

На правах рукописи

**Чукуева
Зарема Нажмудиновна**

Северокавказская историческая событийно-хроникальная проза XX века: жанровые, структурно-стилевые особенности и типологические связи с отечественной литературой

10.01.02 – Литература народов Российской Федерации
(литература народов Северного Кавказа)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Майкоп – 2021

Работа выполнена на кафедре литературы и методики ее преподавания Института филологии, истории и права ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»

Научный консультант: **Джамбеков Овхад Алихаджиевич,**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Акавов Забит Насирович,**
доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дагестанский государственный педагогический университет»

Чанкаева Татьяна Азаматовна,
доктор филологических наук, профессор Республиканского государственного бюджетного учреждения дополнительного профессионального образования «Карачаево-Черкесский институт повышения квалификации работников образования»

Чотчаева Марина Юрьевна,
доктор филологических наук, профессор кафедры русской и мировой литературы и технологий обучения Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ингушский государственный университет», г. Магас

Защита состоится 18 июня 2021 года в 10.00 на заседании диссертационного совета по филологическим наукам Д 212.001.10 при ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Д.А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, с диссертацией и авторефератом – на официальном сайте университета: <http://www.adygnet.ru> и на сайте ВАК: <http://vak.ed.gov.ru>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2021 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Г. В. Соколова

Общая характеристика работы

Проблема соотношения факта (документа) и вымысла, их роли и значения в художественном тексте по самому определению и характеру творческого акта являются одной из фундаментальных областей литературной науки. Особенную **актуальность** этот вопрос приобретает в настоящее время, когда документальное начало все более активно проникает в художественную литературу в разных формах, воплощая различные авторские цели и инициируя существенные жанровые трансформации эпической прозы. Усиление документального начала в художественной прозе обусловлено современными литературными тенденциями к стилевой и жанровой неопределенности, полицитатности, интертекстуальности, метапоэтичности и другим инновационным текстовым стратегиям.

Следует отметить, что документ в той или иной форме присутствовал в литературе с момента ее формирования. Осмысление и последующая литературная интерпретация прошлого и реального времени невозможно без апелляции к историческим документам, мемуарам, научным исследованиям, воспоминаниям очевидцев и другим фактографическим данным. Документальные материалы, введенные в художественный текст, усиливают авторское начало, подтверждая фактами авторскую точку зрения и приобретая самостоятельное значение.

Документ становится особенно актуальным в переломные, кризисные моменты истории и представляет непреходящую ценность для воссоздания реальной картины современной жизни. Здесь важен ракурс осмысления исторических событий прошлого, но в большей степени – правдивость отображения реальных событий, которая достигается включением в текстовое художественное пространство объективных фактов, воспоминаний очевидцев и участников событий, официальных документов и другого фактографического материала.

Необходимо отметить концептуальный для исследования тезис, что документальность выражается во множественных формах и авторских приемах, как, например, прямое включение в художественный текст документов, цитат, хроник, записок, воспоминаний реальных лиц и других нехудожественных материалов. По сути, подобные иностилевые фрагменты в теории литературы трактуются как интертекст. В ряде случаев обращение к интертексту становится своеобразным художественным приемом, игрой с читателем. В работе не рассматриваются подобные литературные стратегии. Исходя из объекта исследования – событийно-хроникальная литература XX века, тематически сконцентрированная вокруг проблем исторической правды, – актуализируется проблема взаимодействия в художественном тексте факта/документа и вымысла/художественной образности.

Феномен художественного текста заключается в самом процессе создания художественной реальности, которая благодаря образности оказывает большее эмоциональное воздействие на читателя, чем сухая документальная литература. Но есть определенные темы, которые требуют от

писателя предельной искренности и правдивости. В частности, художественные тексты «лейтенантской» прозы, «окопная правда» Ю. Бондарева, Г. Бакланова, В. Быкова, В. Богомолова, Вяч. Кондратьева, В. Астафьева, «фактографичная литература» А. Адамовича, Д. Гранина не вызывают у читателя сомнений в достоверности, потому что авторы - очевидцы и участники Великой Отечественной войны. Они не только знают, о чем пишут, но и наполняют текст реальными событиями, персонажами. Эта проза, которая стала определенным прорывом к предельной правдивости в советской литературе, наметила тенденции развития «другой» литературы, не укладывающейся в «прокрустово ложе» соцреалистической эстетики.

Можно утверждать, что методология послевоенной исторической литературы, включая северокавказскую (чеченская, адыгская, дагестанская и другие), во многом определена традициями «лейтенантской прозы». Такие национальные авторы, как А. Кешоков, А. Шогенцуков, А. Теппеев, Р. Тотров, И. Машбаш (ведущий жанр его прозы за последние 30 лет – историко-документальный роман), А. Айдамиров и другие в художественном воспроизведении исторических событий прошлого, а также современности стремятся к предельной достоверности. Поэтому факт и документ приобретают в северокавказской прозе с 80-х годов XX века особый статус, выводя ее на уровень глубокого и многогранного исследования социально значимых конфликтов и противоречий современной действительности и далекого прошлого. Подчеркнем, что для северокавказских литератур этот вопрос представляет особую значимость и актуальность. В произведениях национальных писателей, наряду с традиционными темами (бытовая, любовная, социально-психологическая и другие), получает художественное осмысление тематика, раскрывающая кризисные периоды жизни этноса, не столь дистанцированные от современности (например, депортация северокавказских этносов, первая и вторая чеченские войны и другие). И в данном случае для читателя, для его национального сознания очень важно увидеть правдивую картину судьбоносных трагических моментов истории своего народа. В этом плане факт/документ имеет важнейшее значение и даже может стать опорным структурно-семантическим центром текста. Нехудожественные в стилевом плане компоненты позволяют сохранить историю народа, транслируя читателю реальную картину прошлого через популярную литературную форму.

Кардинальные общественные и политические изменения второй половины 80-х - 90-х годов XX века актуализировали в литературе военную тематику, в раскрытии которой обнаружилось стремление авторов к документальности, к подлинности в воспроизведении исторической правды и изображении реальных событий и явлений. В результате возродилась репортажная проза, в традициях которой были написаны такие военные романы-репортажи, как «Горящие сады», «Чеченский блюз» А. Проханова, «Клон» Л. Могилева и другие. При этом невозможность открытого разговора об истинных причинах происходящего по объективным причинам стала фактором, спровоцировавшим создание гротесковых «антиутопий» на актуальные

темы российской истории и современности.

Необходимо констатировать, что в целом предпосылками активизации документализма в литературе можно считать острые социальные моменты, кризисные явления российского общества перестроечного и постперестроечного периодов, непосредственно активизировавшие интерес писателей к факту, выразившийся в подчеркнутом документализме. В жанровом плане произведения подобного типа определяются как *событийно-хроникальная проза*.

Следует подчеркнуть, что документ, включенный в художественный текст в качестве концептуального, структурообразующего компонента, обретает признаки художественности. Это прием, типологически схожий с обретением свойств художественной выразительности словами, не имеющими изначально этих качеств, например, неологизмами, диалектизмами и архаической лексикой. Выполняя функции усиления достоверности сюжета в целом, либо отдельного художественного образа или сцены, факт/документ, воспоминания реального лица становятся средствами художественной выразительности. Такая трактовка функциональной нагрузки документа принадлежит современным филологам. Впервые тезис о художественной функции документа, включенного в литературный текст, высказал П.В. Палиевский, тем самым наметив совершенно новое методологическое направление анализа современного художественного текста.

По нашему мнению, современные активные исследования роли документализма и его литературоведческие интерпретации обусловлены объективными процессами текущего литературного развития, в первую очередь – жанровыми трансформациями и стилевым эклектизмом.

На наш взгляд, включение документа в ткань повествования (в том случае, если это не попытка воссоздать колорит эпохи, а стремление к достоверности, подтверждению авторской идеи) актуализирует роль авторского начала в произведении, предоставив читателю возможность стать соавтором текста, вносящим в него в процессе прочтения собственные смыслы. Объяснение нашего тезиса кроется в несомненности документа, установленного факта, который, в отличие от художественного образа, не имеет множественности прочтений. При этом следует разграничивать документальность и ее имитацию: «Документальность (или, как выясняется, псевдодокументальность) выступает на правах кода, призванного гарантировать подлинность этого смысла. Следовательно, проявляется разный подход к истинности сообщения в тексте: "правда факта" и "правда общего смысла"»¹.

Объект исследования - историческая событийно-хроникальная северокавказская проза XX века.

Предмет исследования – этнонациональная специфика северокавказской исторической

---

¹ Неклюдов С.Ю. Отношение "текст – денотат" и проблема истинности в повествовательных традициях // Лотмановский сборник. - М., 1995, т.1. – С. 77.

прозы; жанрово-стилевые трансформации событийно-хроникальной прозы XX века; роль и функции факта/документа в исследуемом материале; синтез художественного и документального начал как выражение авторской позиции; способы и приемы включения документального материала в литературный текст; типологические связи северокавказской и отечественной литератур в контексте развития событийно-хроникальной прозы.

Материалом для диссертационной работы послужила северокавказская и общесоюзная историческая событийно-хроникальная проза XX века. Сравнительно-типологический анализ с идентичными процессами в общесоюзной литературе позволил создать целостную картину развития и эволюции художественно-документальной прозы, выявить типологически сходные явления, а также черты национальной специфики северокавказской событийно-хроникальной прозы в плане жанрово-стилевых приоритетов, идейно-тематического комплекса и системы художественных приемов и методов.

Базовая гипотеза исследования.

В современной литературе меняются представления о жанре, стиле, образности, о роли автора в событийно-хроникальном тексте и, собственно, о самом понятии художественности, которое расширяется за счет новых трактовок роли документального, фактологического начала в литературном тексте. На основании современных литературоведческих концепций мы полагаем, что со второй половины XIX века документ в художественном тексте начинает выполнять концептуальные функции, обретая черты индивидуальности, тем самым становясь средством художественности.

В XX веке под влиянием глобализационных процессов и кардинального расширения информационного пространства усиливается потребность читателя в достоверности при восприятии художественных текстов, основанных на реальных событиях, к которым, в первую очередь, относится историческая событийно-хроникальная проза. В этом плане факт/документ и другие виды документалистики, которые ранее были неотъемлемой частью журналистских и публицистических текстов, активно входят в художественное пространство.

Для северокавказской прозы второй половины XX века проблема взаимодействия факта и вымысла особенно актуальна, так как одной из ведущих задач произведений этого периода становится художественный показ и осмысление трагических страниц национальной истории. В этом плане мы анализируем поставленную проблему в контексте выявления основных тенденций развития северокавказской событийно-хроникальной прозы в контексте типологических связей с отечественной литературой.

Исследование развития северокавказской событийно-хроникальной прозы без сравнительно-сопоставительного анализа с идентичными процессами в общесоюзной литературе представляется нам крайне непродуктивным, поскольку типологические связи, которые

сложились исторически в пространстве советской литературы, очевидны и в настоящее время. Следует отметить, что к концу XX века северокавказские литературы во многом достигли уровня зрелых литератур в плане художественного мастерства и поэтому можно говорить уже не о подражательстве или ученичестве, а о взаимодействии и типологических связях. Более того, северокавказские литературы, имеющие свой уникальный исторический опыт, неповторимую ментально-этническую картину мира, фольклорные традиции, к концу двадцатого столетия обрели черты национальной идентичности. По этой причине в работе описаны и типологические процессы жанрово-стилевых трансформаций северокавказской и отечественной событийно-хроникальной прозы, и те, которые на данный момент проявляются лишь в одном из сопоставляемых литературных пространств. Эта направленность исследования имеет несомненные перспективы, поскольку, на наш взгляд, отдельные жанрово-стилевые трансформации, на данный момент выявленные лишь в отечественной литературе, позднее со всей очевидностью проявятся и в северокавказской.

Целью диссертационной работы является сравнительно-типологическое, а также компаративистское исследование развития северокавказской событийно-хроникальной литературы, проводимое по нескольким направлениям: выявление и систематизация жанрово-стилевых трансформаций событийно-хроникальной прозы, научное описание роли и функциональной нагрузки документального интертекста в пространстве художественного произведения, выявление типологических черт и индивидуальных характеристик современной северокавказской исторической литературы XX века.

Основная цель работы актуализирует ряд взаимосвязанных исследовательских **задач**:

- проанализировать процесс жанровых и структурно-стилевых трансформаций в северокавказской событийно-хроникальной прозе, связанный с усилением документального начала, на базе сравнительно-типологического анализа и компаративистской методологии с аналогичными процессами в общесоюзной литературе XX века;
- соотнести динамичные процессы развития событийно-хроникальной прозы с основными этапами истории северокавказской и отечественной литературы XX века;
- исследовать проявления синтеза художественного и документального начал и их роль в событийно-хроникальных произведениях;
- определить роль и функции документального дискурса, а также виды документального интертекста в событийно-хроникальной прозе исследуемого периода;
- проанализировать процесс трансформации документального текста в художественный образ и описать признаки оригинального документально-художественного дискурса;
- на основании теоретических концепций и гипотез современных литературоведов выявить роль документа в трансляции авторской точки зрения и в усилении авторского начала;

- охарактеризовать направления эволюции концепции личности в событийно-хроникальной прозе;

- выявить индивидуальные, этнонациональные характеристики северокавказской событийно-хроникальной литературы конца XX века.

Степень изученности проблемы.

Проблема роли документализма и специфики синтеза документального и художественного начал в литературном тексте, как мы отметили, оказалась в центре внимания филологов относительно недавно - с середины XX века.

Вопросы научной верификации документально-хроникальной прозы, соотношения художественного и документального материала, жанровой специфики исследуемой литературной видовой разновидности, влияния документального контента на структурно-семантические особенности художественного текста, а также на роль авторского начала в той или иной степени затрагивают северокавказские и отечественные литературоведы в ряде немногочисленных монографических и диссертационных работ. При этом отметим, что названный нами проблемный комплекс не получил столь широкого описания, как традиционные вопросы литературоведения (особенно, в национальном литературоведении), чем и обусловлена актуальность нашего исследования.

Среди научных работ по теме диссертации необходимо отметить труды Ю.М. Лотмана «Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологии соотношения текста и личности автора)» (1986), «О содержании и структуре понятия «художественная литература» (1992), П.А. Николаева «Историзм в художественном творчестве и в литературоведении» (1983), П.В. Палиевского «Документ в современной литературе» (1974), «Роль документа в организации художественного целого» (1971), Б.В. Томашевского «Литература и биография» (1923), А.А. Урбана «Автодокументальная проза» (1970), А. Шёнле «Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790-1840» (2004), И.С. Янской, Э.В. Кардина «Пределы достоверности. Очерки документальной литературы» (1981), Э.Г. Шика «Документ, факт, образ» (1973) и другие.

Теоретические положения в области исследования документальной прозы полноценно обоснованы В.С. Федоровым в диссертации «Проблемы документалистики и развитие жанра документально-художественной прозы середины 70-х – начала 80-х гг.» (1991). Автор диссертации отмечает: «Споры о документалистике, о правде и правдоподобию, об эстетике достоверного, о факте и вымысле, не раз возникавшие в отечественном литературоведении в 20-40-е годы, в наиболее острой форме начались приблизительно с конца 50-х годов. Именно тогда появилось огромное количество очерков, мемуаров, всевозможных дневников и записок, документальных романов и повестей. В связи с обострившимся интересом к проблемам документальной литературы в 60-х - начале 70-х годов в

печатных изданиях состоялся и ряд общих дискуссий по проблемам современной документалистики»². Совершенно справедливо также следующее утверждение В.С. Федорова: «Документалистика заметно обогатила литературу развитием и освоением новых тем, конфликтов, характеров персонажей. Но, несмотря на все это, в то время она все же не смогла поколебать убеждения в том, что она является литературой какого-то второстепенного, промежуточно-вспомогательного жанра, призванного лишь обновить и оживить литературу художественную»³. В диссертации предпринимается попытка рассмотреть явления документализма на философском и психологическом уровнях, для чего автор исследует и описывает такие категории, имеющие непосредственное отношение к документалистике, как «реальность» и «художественная условность», «правда жизни» и «правда литературы», «правда факта» и «правда вымысла» и другие.

Значительный интерес для исследования проблем документального начала в художественной прозе представляет докторская диссертация Е.Г. Местергази «Художественная словесность и реальность: документальное начало в отечественной литературе XX в.» (2008). Автор диссертационного исследования актуализирует такие вопросы, как причины «пробуждения» факта и предпосылки развития «документальной» литературы в XX веке; правда факта и специфика художественной образности в «документальной» литературе; «образ автора» в «невывымышленной» прозе и другие. На наш взгляд, особую ценность для современного литературоведения представляет обращение Е.Г. Местергази к проблемам терминологии, так как, по ее справедливому замечанию, «...до сих пор в отечественной науке литература с главенствующим документальным началом не получила сколько-нибудь определенного статуса, налицо терминологическая путаница. Нет единства в точке зрения на предмет: представляет ли он собой отдельный вид словесности или, как некоторые полагают, особый ее жанр; каким образом функционируют такого рода произведения и в какой мере реальность, воссоздаваемая ими, принадлежит области «художественного»⁴. В диссертации выдвигается тезис, подчеркивающий актуальность и правомерность базовой гипотезы нашего исследования, в котором говорится о необходимости «...выделения литературы с главенствующим документальным началом в особый вид художественной литературы с выявлением характерных, только ему присущих черт, и рассмотрением важнейшей теоретической проблематики, относящейся к указанному феномену»⁵.

---

² Федоров, В.С. Проблемы документалистики и развитие жанра документально-художественной прозы середины 70-х – начала 80-х гг.: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Федоров Владимир Сергеевич. – СПб., 1991. – С. 5.

³ Там же. С. 9.

⁴ Местергази, Е.Г. Художественная словесность и реальность: документальное начало в отечественной литературе XX в.: диссертация ... доктора филологических наук: 10.01.08 / Местергази Елена Георгиевна; - Москва, 2008. – С. 13.

⁵ Там же. С. 19.

В северокавказском литературоведении интерес к данной теме исследования обусловлен социально-историческими факторами, в частности – возрождением этнонационального культурного сознания, необходимостью в условиях бесцензурности и снятия идеологических установок переосмысления исторического далекого и недавнего прошлого. Особым центром творческого притяжения для национальных, в частности чеченских, писателей стала военная тематика, тема депортации, возрождения национального самосознания, национальной идентичности и другие, связанные с трагическими страницами чеченской истории. Новый ракурс художественного видения инициировал творческие поиски писателей в жанровом и стилевом плане, особая тематика актуализировала проблему достоверности. По названным причинам появился ряд диссертационных исследований, в которых в той или степени, под разными углами зрения анализируются проблемы художественно-документальной и документально-художественной литературы, объединенной определением «событийно-хроникальная проза».

М.Х. Чотчаева в работе на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Документальная проза о Великой Отечественной войне в литературах народов Карачаево-Черкесии и её жанрово-стилевые особенности» (1998) рассматривает проблему влияния документального начала на жанровую и стилевую специфику литературного текста. «Тяга к документу не является приметой только нашего времени, – отмечает автор, – ориентация на достоверность всегда была присуща реалистической литературе, но именно в военной прозе это направление обрело особую продуктивность. Более того, документальная литература вносила коррективы если не прямо, то косвенно и в художественное описание военных коллизий, побуждала к более глубокому их осмыслению. Живые свидетельства, документы, рассказы реальных участников событий помогали расширять и углублять решение военной темы в художественной литературе»⁶. Автор диссертации намечает новый вектор исследования документализма, который получает развитие в нашей диссертации: «Опора на подлинные события и биографии часто приобретает новое направление, перед писателем возникает новая задача – исследовательская, аналитическая. И исследование может быть сосредоточено как на факте, событии, так и на их эмоциональном психологическом наполнении»⁷. Речь идет о феномене обретения документальными фактами функций и признаков художественного образа.

Попытка теоретизации понятия «событийно-хроникальная проза» представлена в кандидатской диссертации Н.Б. Бозиевой «Художественно-документальная проза в кабардинской литературе» (2005). Автор работы достаточно обоснованно останавливает внимание на факте расплывчатости трактовки терминов факт и документ, что приводит к невозможности научного

---

⁶ Чотчаева, М.Х. Документальная проза о Великой Отечественной войне в литературах народов Карачаево-Черкесии и её жанрово-стилевые особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Чотчаева Мариза Хыйсаевна. – Карачаевск, 1998. – С. 4.

⁷ Там же. С. 8.

анализа процесса взаимодействия художественного и документального начал в литературном тексте. Н.Б. Бозиева отмечает: «Границы художественно-документальной прозы очертятся гораздо строже, если относить к ней произведения, в которых именно документ (а не факт) определенным образом управляет художественным целым. В таких произведениях можно выделить два основных организующих начала — документальное и художественное. Соотношение этих двух начал в произведении правомерно использовать в качестве критерия для обозначения разновидностей художественно-документальной прозы. Художественно-документальная проза включает в себя художественно-документальные очерки, литературный портрет, художественно-документальную повесть, книги-воспоминания, мемуары»⁸.

В диссертация Л.М. Довлеткиреевой «Современная чеченская «военная» проза: историко-культурный контекст, жанровый состав, поэтика» (2010) в целом не затрагивается проблема соотношения документального и художественного начал, но в п. «Документальные и художественно-документальные произведения» автор работы собирает богатый литературный материал, ранее не подвергавшийся специальному исследованию, а также классифицирует жанры документальной прозы, выявляя особенности ее поэтики и стиля.

Р.Б. Татаева в диссертационном исследовании «Своеобразие авторской концепции в осмыслении исторических проблем» (2011) акцентирует внимание на особенностях прозы на историческую тему, для которой документальное начало является смыслообразующим центром. Автор рассматривает следующие проблемы, в той или иной степени затрагивающие тему достоверности: историческая правда войны (1941-1945 гг.) в произведениях русскоязычных чеченских писателей; историческая действительность в книге Х. Ошаева «Слово о полку Чечено-Ингушском»; аспект художественной и психологической правды историко-героического прошлого чеченцев в произведениях П. Волкова, И. Минтяка, Ю. Агажданова.

В формировании **теоретической и методологической базы исследования** мы опирались на труды отечественных литературоведов по вопросам жанровой специфики художественной документалистики: М.М. Бахтина (1975, 1979), В.В. Виноградова (1980), Г.Н. Поспелова (1972), А.А. Потебни (1990), Ю. Суровцева (1985), И.К. Сушилиной (2001), Л.И. Тимофеева, С.В. Тураева (1974), Б.В. Томашевского (2001), Ю. Н. Тынянова (1977), В.Е. Хализева (2000) и других ученых.

Решению более частных проблем теории и истории событийно-хроникальной прозы, особенностей реализации ее проблематики посредством структурного решения и способов выражения авторской позиции способствовали теоретические концепции Л.Я. Гинзбург (1963), Е.Г. Местергази (2006), П.В. Палиевского (1979), И. О.Шайтанова (1996), Я.И. Явчуновского (1974), И.С. Янской, Э.В. Кардина (1986) и других исследователей.

---

⁸ Бозиева, Н.Б. Художественно-документальная проза в кабардинской литературе: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.01.02 / Бозиева Наима Борисовна. – Нальчик, 2005. – С. 13.

Необходимо отметить, что до настоящего времени вопросы жанрово-стилевой специфики событийно-хроникальной прозы в северокавказском литературоведении не получили всестороннего научного осмысления. При этом в трудах ряда ученых, анализирующих северокавказскую прозу, рассматриваются отдельные стороны этой литературоведческой проблемы. В этом плане интерес для нашего исследования представляют теоретические концепции таких северокавказских филологов, как Х.И. Баков (1986), С.К. Байрамукова (2005), Л.А. Бекизова (1974), Н.Б. Бозиева (2005), Л.М. Довлеткиреева (2011), Л.М. Ибрагимов (2010), Р.Г. Мамий (2001), А.Х. Мусукаева (1987), Э.М. Омаршаева (2011), У.М. Панеш (1990), К.К. Султанов (1995), Р. Б. Татаева (2011), Х.В. Туркаев (1994), Х.Х. Хапсироков (2002), К. Шаззо (1978), Ф.С. Эфендиев (1999) и др.

Методология исследования имеет комплексный характер и опирается на ряд методов: общелингвистические – сравнительно-типологический и историко-типологический (компаративистский); методы лингвистического анализа текста – структурно-семантический, аналитический, интертекстуальный, дискурсивный, ориентированные на многоуровневую интерпретацию внутренней и внешней организации произведения, а также художественных и структурно-стилевых особенностей и специфических приемов и методов событийно-хроникальной прозы.

На защиту выносятся **следующие положения:**

1. Северокавказская историческая событийно-хроникальная проза, сформировавшая собственные художественно-эстетические черты в процессе художественно-документального показа этнокультурной картины мира, отразила стадиальные и структурно-стилевые особенности единого общероссийского литературного процесса.

2. Динамично развивающаяся тенденция к усилению документального начала в событийно-хроникальной литературе XX века инициировала потребность в исследовании роли и функций факта/документа в художественном тексте с методологических позиций современного литературоведения и на основе современной периодизации развития общенациональной, в том числе северокавказской литературы.

3. Генетически документальность, неотделимая от событийной информации, является базовым жанрообразующим свойством публицистики, специфически присущим ей способом рационально-эмоционального воздействия на читателя. Вплоть до середины XIX века документальные фрагменты выполняли в художественном тексте вспомогательные функции, в основном реализуя задачи воссоздания исторической эпохи. Существенно, что данное положение было обусловлено достаточно четкой жанровой иерархией, сохранившейся вплоть до последней трети XX века, и художественный текст не допускал иностилевых включений.

4. В последней трети XX века в литературе наметились новые тенденции, связанные со сменой художественной парадигмы, среди которых одной из существенных стало

взаимопроникновение жанров и стилей, в результате чего формируются новые эпические формы. Изменились читательские приоритеты и модусы ожиданий. В связи с глобальным расширением информационного пространства активизировалась потребность в достоверности, особенно по отношению к художественным произведениям, затрагивающим темы национальной истории и основанным на реальных событиях. Эти процессы инициировали активное проникновение документального начала в структуру художественного текста и изменение его роли и функций.

5. Начиная с XX века документ, включенный в художественный текст в качестве концептуального, структурообразующего компонента, по мере эволюции событийно-хроникальной прозы постепенно, но неуклонно обретает новые функции. Феномен трансформации функциональной нагрузки документального интертекста заключается, на наш взгляд, в том, что факт, документ, воспоминания реального лица в процессе усиления достоверности сюжета в целом, либо художественного образа и отдельной сцены становятся средствами художественной выразительности.

6. Документалистика, введенная в художественный текст, усиливает авторское начало, подтверждая неопровержимыми фактами авторскую точку зрения и приобретая самостоятельное значение. Автор событийно-хроникального текста нередко «входит» в его пространство в качестве очевидца или участника события и тем самым становится центральной фигурой повествования. Подобное структурное решение позволяет автору транслировать свои мысли, чувства, убеждения напрямую к читателю в качестве своеобразного посредника между ним и исторической эпохой.

7. Система образов событийно-хроникальной литературы концентрируется вокруг фигуры повествователя, который становится главным персонажем и транслятором авторской идеи. Концептуализация образа автобиографического автора приводит к формированию особой концепции личности, которая отражает типичные черты представителей различных социальных слоев описываемого периода, характеры и ценности которых сформированы исторической эпохой и отражают идеи времени в их социально-исторической обусловленности и противоречивости. Основным художественными приемами построения образа в событийно-хроникальной прозе становятся принципы социального детерминизма, историзма, опора на факты, документы, воспоминания, что, в свою очередь, обеспечивает его достоверность и реалистичность.

8. Для северокавказской прозы второй половины XX века проблема взаимодействия факта и вымысла особенно актуальна, так как основной целью произведений этого периода становится идейно-художественное переосмысление национальной истории. В этом плане поставленная проблема анализируется в контексте выявления основных тенденций развития северокавказской событийно-хроникальной прозы в контексте типологических связей с отечественной литературой.

9. Проблема типологических связей северокавказской и отечественной литературы предельно актуальна при рассмотрении вопросов литературного развития и взаимодействия. Не вызывает сомнений, что новописьменные литературы развивались в тесной взаимосвязи и под определенным влиянием общесоюзной художественной словесности. В этом разрезе необходимо учитывать типологические явления, но в то же время для северокавказского литературоведения крайне актуально выявление и анализ индивидуальных тенденций, обусловленных особенностями исторического развития, национальной картиной мира, ментальностью и традициями, неповторимыми в каждой национальной культуре. В контексте этого тезиса утверждается, что с последней трети XX века в северокавказской событийно-хроникальной прозе обозначились индивидуальные черты, выразившиеся, в первую очередь, в попытке переосмысления трагических страниц национальной истории, что привело к усилению идейно-проблемного комплекса, к новой трактовке личности и истории, к предельной достоверности и объективизации, а также к расширению жанровой палитры.

10. Усиление проблемности, выразившееся в освобождении личности от идеологической зашоренности, эволюция художественной концепции личности, показ нового типа героя, ориентированного на народные традиции, а также стремление к свободе мышления в поиске нравственного идеала и в выборе способа поэтического изображения реальности позволили северокавказской исторической событийно-хроникальной прозе расширить и обогатить картину литературной эпохи XX века.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в работе впервые выявлены и проанализированы особенности исторических событийно-хроникальных произведений северокавказской прозы в контексте типологических связей с отечественной литературой.

Впервые многоуровневому филологическому анализу с позиций современного литературоведения подвергается ряд важнейших вопросов: факторы типологического взаимодействия северокавказской и общесоюзной событийно-хроникальной литературы; этнонациональное своеобразие исследуемого типа прозы; структурообразующая и стилевая роль факта/документа в процессе формирования новых жанрово-стилевых модификаций; роль документа в трансляции авторской позиции; процесс перехода документального фрагмента в художественный образ; эволюция концепции личности; способы функционирования документального интертекста в художественном произведении; авторская методология работы с документальным материалом и другие.

В научный аппарат северокавказского литературоведения вводятся дефиниции, образующие аналитический аппарат, эффективный для анализа структурно-стилевых особенностей событийно-хроникальной прозы. Уточняются понятия «событийно-хроникальная проза», «художественный документ», «документальная образность», «авторская позиция»,

«художественно-документальная литература», «документально-художественная литература» «концепция личности событийно-хроникальной прозы» и другие.

Впервые комплексному филологическому анализу подвергаются художественные произведения отдельных северокавказских авторов, не получившие до настоящего времени научной литературоведческой интерпретации.

Аналитические выводы и заключения диссертации имеют **теоретическое значение** для дальнейших исследований современной северокавказской прозы. Методология анализа событийно-хроникальной прозы, основанная на многоуровневой интерпретации текста, может послужить основой для формирования аналитических моделей анализа прозаических текстов иной жанровой принадлежности.

Прикладная значимость настоящей диссертации состоит в возможности использования ее результатов в процессе преподавания истории северокавказской литературы в вузе, при написании учебных и учебно-методических пособий.

Апробация работы. Основные положения и научные результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры чеченской филологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет» и кафедры литературы и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», представлялись на научно-практических конференциях различного уровня: международных конференциях «Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации» (Пенза, 2020); «Наука и современное общество: Актуальные вопросы, достижения и инновации» (Пенза, 2020); «Современная наука: диалог естественнонаучной и социально-гуманитарной субкультур» (Белгород, 2020); «Инновационная траектория развития современной науки: становление, развитие, прогнозы» (Петрозаводск, 2020); на региональной научной конференции «Живое слово Казбека Шаззо и актуальные вопросы развития отечественной литературы XX века» (Майкоп, 2019).

Структура диссертации. Цели и задачи, объект исследования определили логику и структуру представленного диссертационного исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснованы выбор и актуальность заявленной темы, сформулированы основные цели и задачи, определены объект и предмет исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, степень научной разработанности, методологическая основа и методы исследования, комплекс положений, выносимых на защиту.

Первая глава «Жанровые и структурно-стилевые особенности событийно-хроникальной прозы» состоит из трех пунктов. В п. 1.1. «Развитие северокавказской событийно-хроникальной прозы в парадигме периодизации национального литературного процесса» отмечается, что ведущие тенденции развития исследуемого нами стилового направления формируются и развиваются в рамках периодизации общероссийского литературного процесса XX века. При этом нельзя игнорировать черты национального своеобразия литературы и ее подчиненности социально-политическим коллизиям этнической истории. В частности, письменность у северокавказских народов образовалась лишь после октябрьской революции, соответственно, первый этап развития новописьменных литератур, по классификации У.М. Панеша, датируется 20-30-ми гг. XX века; второй - середина 30-х – середина 50-х гг., третий - середина 50-х – середина 80-х гг., четвертый - середина 80-х – 2000-е гг. Каждый из выделенных этапов обусловлен серьезными социально-политическими изменениями, которые отразились на идейно-нравственной составляющей, проблемно-тематическом комплексе литературных произведений, а также на концепции личности.

Документ при анализе структуры художественного произведения вплоть до середины XX века трактовался в качестве второстепенного компонента, основной функцией которого было либо погружение в обстановку описываемого времени, либо подтверждение исторической достоверности. Основными жанрами, в которых функционировала документалистика, были художественный очерк и историческая эпика. Отдельную нишу занимала мемуарная литература, в которой документальную основу обеспечивают воспоминания реальных людей, которые, по сути, не могут быть объективными, но при этом признаются «человеческим документом».

Специфической чертой первого этапа развития новописьменных литератур стало их ускоренное движение, и началось оно именно с публицистических жанров, в первую очередь, с очерка различных модификаций и художественно-документальной прозы. Эти тексты, не очень ценные в художественном плане, тем не менее, представляют сегодня значительный интерес в качестве документально-художественных свидетельств эпохи.

Публицистика особенно активизируется в судьбоносные моменты общественной жизни.

В период Великой Отечественной войны в произведениях очеркового типа Х. Андрухаева, Х. Хавпачева, А. Шортанова, К. Жане, А. Кешокова, А. Евтыха была реализована острая социально-политическая тематика и сформирована «драматически заостренная героико-патриотическая концепция личности»⁹. Отметим, что в жанровом плане национальные писатели еще не подошли к освоению крупных эпических форм, как, например, И. Эренбург, М. Шолохов, А. Толстой, К. Симонов и другие, но своими произведениями они оказали духовно-нравственную поддержку советскому народу.

В период застоя, который соотносится с третьим этапом развития северокавказских литератур, документалистика потеряла свои позиции, творческая интеллигенция оказалась в жестких идеологически-нормативных рамках цензуры и метода соцреализма. Но эти меры имели обратный эффект и привели, как отмечает У.М. Панеш, к кризису социалистического реализма, поискам новой концепции личности и обновлению реализма. Очевидно, что в подобной ситуации главный принцип событийно-хроникальных текстов – основа на документальной правде – не мог быть реализован в полной мере, но энергия прорыва созревала и окончательно освободилась на следующем этапе общесоюзного литературного процесса в форме качественно новых текстов.

Перестроечные 1990-е годы (четвертый этап) - период возрождения документально-публицистической прозы. Социально-политические установки советского строя, вследствие которых граждане не имели достоверной информации о собственной истории, утратили свою силу, и писатели получили возможность свободы слова и выражения авторской позиции. В северокавказской литературе обозначился прорыв к запретным темам депортации, Кавказской войны, массового переселения, выселения горских народов, которые, в частности, со всей достоверностью раскрылись в романах чеченских писателей Х. Ошаева «Пламенные годы», М. Мамакаева «Мюрид революции», «Зелимхан», А. Айдамирова «Еха буйсанаш», «Лаьмнашкахь ткъес», Ш. Окуева «Юьхь», «Ций, латгий», К. Ибрагимова «Прошедшие войны», «Учитель истории». Столь же достоверное отражение национальной истории мы видим в рассказах С.-Х. Нунуева, И. Эльсанова, М.Бексултанова, С.-Х. Кацаева, М. Мутаева, Б. Шамсудинова, Р. Ибаева, М. Айдамировой, И. Закриева, А. Шатаева; в повестях С. Яшуркаева, В.-Х. Амаева, Канташа, Л. Куни и др.; в романах и повестях, драмах и поэмах адыгских писателей А. Кешокова, Т. Керашева, Д. Костанова, И. Машбаша, К. Кулиева, Х. Бештокова, Б. Утижева, Н. Куека, Х. Беретаря, М. Эльдарова. В целом, открывшаяся к свободному правдивому осмыслению острая национально-историческая

---

⁹ Панеш, У.М. Особенности и типологические связи рассказа в адыгских литературах периода войны (1941-1945 гг.) / У.М. Панеш, Р.Г. Мамий // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2018. – Вып. 4 (227). – С. 132.

тематика дала толчок к обновлению и трансформации жанровой и художественной системы.

В результате названных изменений в конце XX века идеологизированная литература потеряла свои позиции. Литературная критика обратилась к методологии объективной, внеидеологической трактовки литературных текстов, и, соответственно, изменилась парадигма читательского восприятия. Разрушение системы литературоцентризма выразилось в исчерпанности литературных мистификаций, что привело к актуализации прозы non-fiction, представляющей «...особый жанр литературы, для которого характерно построение сюжетной линии на реальных событиях, с редкими вкраплениями художественного вымысла»¹⁰. Non-fiction также определяется как «литература факта», «интеллектуальная литература», «литература с главенствующим документальным началом», «литература человеческого документа», «эго-документ», «художественная проза без вымысла». В целом современный интерес к литературе факта привел к определенному доминированию жанров мемуаров, эссе, литературно-философских изложений, которые, по мнению А. Чудакова, «в последние годы чрезвычайно придавили повесть, рассказ, не говоря уж о романе»¹¹.

В эго-документальном повествовании концептуальное значение имеет авторская позиция, которая сопрягается с другой его типологической чертой - автобиографизмом. Характерно, что автобиографические жанры не типичны для северокавказской литературы. В качестве исключения можно привести книгу Расула Гамзатова «Мой Дагестан» (1972), в которой явно прослеживается автобиографическое и мемуарное начало, повести адыгейского писателя А. Евтыха «Я-кенгуру» (2000) и карачаевского журналиста Х.Тохчукова «Дороги времени» (1989, на карач. языке), автобиографическую книгу Х.Байрамуковой «Моя жизнь» (1996, на карач. языке).

Активные трансформационные процессы происходят и с жанром романа. А.Х. Мусукаева полагает, что «...движение - от повести к роману - происходит главным образом в исторической теме»¹². М. Хакуашева, в свою очередь, отмечает, что «...определяется результирующий вектор в системе важнейших координат современных произведений: новое, чаще глубоко драматическое видение исторического прошлого и будущего своего народа или этноса, роль личности в новом мире, новая шкала этических и эстетических ценностей ...»¹³. Эти тенденции характерны для творчества ряда адыгских авторов – Н. Куека, Дж. Кошубаева, Ю. Чуюко и других, сделавших попытку

---

¹⁰ Черняк В.Д. Массовая литература в понятиях и терминах. М.: ФЛИНТА, 2015. С. 145.

¹¹ Чудаков, А. «Внешнее» Достоевского // Чудаков, А. Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого: очерки поэтики русских классиков / А. Чудаков. – М.: Современный писатель, 1992. – С. 93.

¹² Мусукаева, А.Х. Ответственность перед временем. Проблемы эволюции романа в литературах Северного Кавказа / А.Х. Мусукаева. – Нальчик: Эльбрус, 1987 – С. 68.

¹³ Хакуашева, М.А. Постсоветская кабардино-черкесская повесть / М.А. Хакуашева // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение». – Майкоп, 2012. – Вып. 1 (96). – С. 126.

переосмысления национальной истории в новом жанровом формате – антиутопии, типологически схожей с произведениями Т. Толстой, Л. Петрушевской, В. Маканина и др.

В п. 1.2. «Влияние документального материала на специфику образной и сюжетно-композиционной системы событийно-хроникальной прозы» отмечается, что термины, дефиниции и системные нормативы, образующие художественный документализм, напрямую формируют специфичную систему образов событийно-хроникальной прозы.

В очерковой литературе первого этапа сформировалось несколько типов личности – первый нашел свое воплощение в ранних бытописательных очерках и типологически схож с «маленьким» человеком прошлого века («Одинокий», «Хацук-Хаджи» И. Цея, «Война с князьями и дворянами», «Мафоко Урусбий» Ц. Теучежа, «Ураза», «Ханеш» М. Паранука, «На берегах Зеленчука» Х. Абукова, «Зарево» М. Дышекова, «Начало» Дж. Налоева др.). Второй тип идейной героической личности формируется под влиянием революционной идеологии в оппозиции образу несчастного бедняка. В целом система образов в ранних новописьменных текстах структурировалась достаточно просто – в статичной оппозиции отсталых личностей и персонажей революционного типа. В тематическом плане осваивались темы революции и гражданской войны, деревни и колхозного строительства, женской эмансипации, борьбы с пережитками прошлого, революционного переустройства национального мышления.

Процесс расширения жанрового диапазона прервала Великая Отечественная война, которая стала основной темой и идейным содержанием художественно-публицистической литературы. Относительно этого периода сложно говорить об эволюции методологии событийно-хроникальной литературы, так как по логике она должна двигаться к достоверному историзму и многогранности показа личности в социально-исторических обстоятельствах. В данном случае время глобальных трагических катаклизмов в истории Отечества, напротив, активизировало приемы идеологизации и романтизации.

Достоверность показа в большей степени была симулятивной, так как народ должен был верить в победу, независимо от реального хода событий. Несмотря на доминирование малых форм (очерк, корреспонденция, заметка, рассказ), северокавказские писатели создали ряд крупных эпических произведений, например романы М. Цаголова «И мертвые вставали», Ц. Коховой «Фатимат», А. Кешокова «Сломанная подкова», трилогия О. Хубиева «Аманат» и др. В целом, к освоению крупных эпических форм северокавказские литературы подошли к концу второго этапа своего развития (роман «Горцы» кабардинского писателя А. Шортанова (1954), повести «Свет с Севера», «Путь поэта» Х. Теунова, произведения черкесских писателей С. Хатуова «На рассвете» (1957) и Х.Гашокова «Отец и сын» (1959), повесть Т.Керашева «Дочь шапсугов» (1951) и другие).

В период кардинального пересмотра общественных ценностей и снятия идеологических установок, сопряженный с развалом СССР, в северокавказской прозе на первом плане опять оказалась историческая проблематика. Отметим, что национальные литературы на протяжении всего XX века, не имея возможности открытого правдивого разговора об историческом прошлом, все же пытались осмыслить трагические страницы своей истории. В произведениях «Абрек», «Мечь табунщика» Т. Керашева, «Зелимхан» М. Мамакаева появились героические образы горцев-одиночек. Современные писатели, например Г. Гулиа, Б. Шинкуба, И. Машбаш, с позиций освобожденного художественного сознания, в свою очередь, обратились к истории национальных этносов, создав концепцию героической личности, действующей уже в новых социально-исторических реалиях. Художественное преобразование типа национально или социально обусловленного характера всегда сопровождается переоценкой ценностей. Отход от безусловной ориентации на движение российской литературы привел северокавказских авторов к пониманию, что в создании национального характера необходимо было отходить от схематизма, вымысла, гиперболизации и идеализации, а также полной подчиненности эталонам советской прозы.

В целом, во все периоды развития соцреалистической литературы система образов строилась на принципе оппозиции: бездушной беспощадности и изоляционистской идеологии «нового человека» противостоял «вечный» человек христианства М. Булгакова, русский «стихийный» человек И. Веселого, «частный» человек Б. Окуджавы, «исторический» человек Ю. Тынянова и Ю. Трифонова. В отличие от положительного героя соцреализма, идеализированного и схематичного, в событийно-хроникальных произведениях нередко показывались как положительные, так и отрицательные черты личности, и это было обусловлено принципами историзма и документализма, когда сам писатель имел возможность оценивать события и своих персонажей.

Ко второй половине XX века методология событийно-хроникальной северокавказской и отечественной прозы сформировалась уже в достаточной степени. Для композиции произведений этой видовой принадлежности характерна тенденция к повествованию «с открытым финалом», сюжетному строению, лишенному развязки, или же вариант, когда автор предлагает читателю несколько финалов «на выбор». При такой методологии факт/документ в событийно-хроникальном тексте приобретает художественные признаки в качестве категории гносеологической, не исключающей различные трактовки авторской позиции, идеи и смысла сюжетных коллизий.

Актуальным методом событийно-хроникальной литературы является монтаж, дающий возможность автору включить в художественный текст документальные фрагменты. Функции монтажа в литературе сводятся к разрыву непрерывности коммуникации,

констатации случайных связей между фактами, обыгрыванию диссонансов, интеллектуализации произведения, отказу от катарсиса, «фрагментаризации» мира и разрушению естественных связей между предметами. Не менее активно в документально-художественных произведениях проявляется интертекстуальность. Существенным признаком, типологически присущим художественно-документальной литературе, является также детальность и «вещность», то есть натуралистическая образность.

В целом, посредством обращения к документальному материалу возможности прозаика-документалиста расширяются, но при этом он достаточно стеснен в употреблении приемов, свойственных художественной литературе.

В п. 1.3. «Жанровая классификация событийно-хроникальной прозы» отмечается, что воспроизведение в литературе поворотных моментов общественного бытия неизменно приводит к видоизменению традиционных жанрово-стилевых конфигураций.

Преимущественно на кризисные исторические события национального бытия отзывались такие подвижные жанры, как очерк и публицистическая статья, адресованные массовому читателю. Например, на первых этапах развития новописьменных литератур (20-30-е годы), в период оттепели (на рубеже 50 – 60-х годов), в период перестройки (конец 80-х – 90-е годы) большие эпические жанры уступали малым, которые давали возможность оперативной творческой реакции на происходящее. Самой активной документально-художественной формой считается очерк, в котором внимание акцентируется на событийной реальности, при этом наличие художественной образности позволяет автору затронуть эмоционально-чувственную сферу читательского восприятия.

Следует отметить принципиальные различия между художественно-документальной прозой революционной эпохи и второй половины 20-х годов. «Окаянные дни» И. Бунина, «Несвоевременные мысли» М. Горького, «Дни» И. Шмелёва, «Петербург» З. Гиппиус, написанные сразу после революции, наполненные свидетельствами очевидцев, вскрыли человеческую трагедию революции. Последующие этапы развития художественно-документальной литературы характеризуются интересом к теме успехов советской власти и борьбы с врагами. Эта идейно-тематическая направленность особенно ярко проявилась в северокавказских литературах, которые, не имея опыта литературной деятельности, оказались под влиянием советской литературы. В целом, в 20 – 30-е годы очерк активно развивался во всех новописьменных литературах, в частности в чечено-ингушской можно назвать очерки Х. Осмиева «За власть Советов», «От тьмы к свету», «Отцы и дети» (1927), рассказы Ч. Ахриева «В горах Джейраха», «Жертва» (1927), А.-Г. Гойгова «Хан-Гирей» (1928), И. Базоркина «Несчастье» (1928). Идеологическая направленность этих и подобных им публицистических текстов, транслируемая посредством лозунгового стиля - «Социализм

побеждает во всех сферах», «Новое должно победить старое», «Старое и новое», «В бой за колхозы!» – не оставляла места для проявления авторской позиции, критического отношения к происходящему, объективного описания жизни национальных окраин. По сути, общий массив публицистической продукции имел стереотипный характер - идеализация советского строя, показ типичного схематизированного образа строителя коммунизма (очерки Т. Керашева «Адыгея – первая национальная», «Адыгея перед боевыми задачами», Х. Теунова «Дружба»), актуализация проблем перевоспитания, борьбы с пережитками, эмансипации (информационная кампания «Пальто горянке», очерк И. Канукова «В осетинском ауле»), тема стремления к учебе, грамотности (очерк Т. Борукаева «Как я возился с магнитом», воспитательные очерки И. Цея, Т. Табулова, М. Мамакаева) и т.д.

Сила и значение публицистики значительно возросли в период войны. Яркими образцами военного очерка в северокавказской литературе стали произведения писателей Х. Андрухаева, А. Уджуху, А. Шогенцукова, Х. Гашокова, Д. Костанова, А. Евтыха, Ю. Глюстена, Х. Хавпачева, К. Жанэ, С. Батырова; в отечественной – очерки М. Шолохова, А. Толстого, И. Эренбурга, К. Симонова, А. Суркова, Н. Тихонова, Г. Табидзе и многих других. Писатели, вопреки принципу индивидуализации, создавали стереотипные героические характеры в рамках новой концепции личности, необходимой для этого периода. Героический тип личности реализуется в очерках Х. Хавпачева «Смелый воин» (герой Барасби Хагоков), Д. Костанова «Их было 29» (образ И. Смола), в новелле А. Шортанова «У Малки» (образы сержанта Аслана, солдата Тимченко). Иной ракурс показа войны у А. Евтыха, который обращается не к личности, а к событию, показывая на документальной основе зверства фашистов в Армавире в очерке «Обвинительный акт» (1943).

В период восстановления промышленности и сельского хозяйства в 50-е годы XX века в советской публицистике актуализировались жанровые инварианты производственного и деревенского очерка. Расширился проблемно-тематический диапазон, публицистика вновь обрела черты социальной заостренности, документализма, активности в выражении авторской позиции. В отечественной литературе деревенские очерки В. Овечкина, Е. Дороша, В. Тендрякова, С. Залыгина, В. Солоухина, А. Калинина, М. Жестева, Г. Бакланова удовлетворяли потребность читателя в неприкрытой правде. К художественной литературе на этот момент подобных требований не было, ее условность не подвергалась критике. Процессы повышения требовательности к достоверности сюжета или художественного образа активизируются позже – в постперестроечный период.

Другая форма актуального жанра современной документально-художественной прозы – эссе. Относительно северокавказских литератур отметим, что жанр эссе не получил столь

широкого распространения, как очерк. Достаточно близка по жанровой специфике к эссе лирическая проза северокавказских авторов. При этом обращения национальных авторов к эссеистической форме все же присутствуют, в основном, в новейшем периоде. Назовем эссе Заремы Схатум «“Нет, весь я не умру...” Слово о Пушкине» («Литературная Адыгея», 2002. № 3), Юнуса Чуяко «Корни правды» («Литературная Адыгея», 2011. № 1). Своеобразным синтезом эссе и литературоведческой статьи является публикация Т. Чамокова «То мудро, что познается сердцем...», автором определенная как «размышления о лирике Шхамбия Куева» («Литературная Адыгея», 2012. № 2). Эссе З. Схатум насыщено фактографическим и биографическим материалом, стиль текста эмоционален и выразителен, что выражается в избытке риторических вопросов и восклицаний. В эссе Ю. Чуяко «Корни правды» речь идет о Л.Н. Толстом и его роли в жизни автора публикации. Тональность эссе серьезная, вдумчивая, неторопливая, философская. Темой эссе Т. Чамокова «То мудро, что познается сердцем...» являются размышления о лирике поэта Ш. Куева в контексте литературоведческой интерпретации.

Жанром, имеющим давние литературные традиции, являются мемуары, сюжет которых концентрируется вокруг достоверных фактов, при этом субъективность показа и очевидность авторской точки зрения придают тексту художественность. Документальная точность в обрисовке характеров и явлений в мемуарах совмещается с типизацией. Основой для систематизации мемуаров в исследованиях обычно является «временной» признак - соотношение момента создания текста с отображаемым периодом (мемуары современные и о далеком прошлом). В северокавказской прозе выявляется доминирование мемуарных текстов второго типа. Например, в чеченской мемуаристике чаще всего повествование ведется от лица участников трагических страниц чеченской истории – выселения, а также чеченских войн второй половины XX века.

Актуализация жанров письма, дневника и биографических мемуаров дает возможность осмысления существенных явлений социума с точки зрения автора – прямого участника событий. Тексты в эпистолярной форме и биографические мемуары по своей структуре масштабнее, чем другие жанры событийно-хроникальной прозы. В мемуарах активизируется инструментарий аналитической эпики, воспроизводятся характеры исторической поры, нередко развивается архетип странствий. В XX веке появились синкретичные формы - мемуарный роман, роман-воспоминание, рассказ/очерк-воспоминание и другие. В данных межвидовых модификациях наблюдается специфичная манера выражения авторского «Я» и позиции «Другого», проявляющаяся в том, что «Я», являющееся концентрацией субъективного начала в тексте, отражается посредством реакции на «Другого».

В жанре дневника, в свою очередь, семантическим и структурообразующим центром оказывается внутренний мир писателя. Так называемые эго-тексты представляют по сути «записи для себя», в их различных версиях обнаруживается общее типологическое начало – это пространство для выражения личностных мыслей и чувств («Дневники» З.Н. Гиппиус, книги И.А. Бунина «Окаянные дни», И.С. Шмелева «Солнце мертвых», А. Ремизова «Взвихренная Русь» и др.).

Феномен взаимодействия художественного и документального начала в событийно-хроникальной романной прозе требует особого рассмотрения. С 1960-х годов в отечественной литературе обнаруживается тенденция к смещению авторского интереса с проблем социально-гражданственного наполнения к личности. Типологической чертой исторического романа становится не простое описание событий и фактов, а постижение истории и проблемы «человек и история», что нашло убедительную реализацию в романах Ю. Бондарева, П. Проскурина, И. Стаднюка, Ф. Абрамова, К. Симонова, В. Гроссмана, Б. Пастернака и др. В национальных литературах этот жанр приобрел особую популярность в силу того, что в последние годы этносы получили возможность правдивого и объективного осмысления своего прошлого. Можно назвать ряд писателей, обратившихся к исторической прозе и создавших значительные произведения, – это И. Машбаш, А. Евтых, Ю. Чуюко, А.Кешоков, многие чеченские, дагестанские, балкарские, ингушские прозаики. Стремление к воссозданию истории в ее достоверности и фактографической обусловленности характерно и для событийно-хроникальных повестей и рассказов, но в пространстве отдельных фрагментов, в меньшем масштабе и с более узким кругом задействованных персонажей.

В качестве инвариантов малой событийно-хроникальной прозы 1970 – 1990-х годов выделим эссе, «заметки на полях», «листки из записной книжки», «дневники», истинные или стилизованные, «отрывки» из как бы неоконченных текстов и другие формы. В целом, основные жанровые преобразования относятся ко второй половине XX века и обусловлены массовым внедрением документалистики и активизацией литературы non-fiction. Эта литературная тенденция проявляется и в северокавказской прозе. Отметим, что активно развивающиеся в отечественной литературе жанры дневников, воспоминаний, литературных портретов, исповеди в северокавказской событийно-хроникальной прозе не получили столь массового распространения, кроме, пожалуй, биографии, но наметилась тенденция к расширению жанрового диапазона.

Глава II. «Особенности художественно-документального отражения национальной истории в событийно-хроникальной прозе XX века» состоит из трех параграфов. В п. 2.1. «Влияние документального начала на трансформации проблемного комплекса и концепцию личности» отмечается, что в 20-е годы отечественная литература

активно вошла в процесс коммунистического строительства и переустройства старого мира. Эта направленность была подхвачена национальными литературами, и в этом плане можно говорить о явных типологических пересечениях. В этот период на северокавказских окраинах глобальные социальные изменения коснулись жизни сельских жителей, а в России – крестьян и рабочего класса. По этой причине производственная тематика не получила в национальных литературах столь полноценного художественного отражения, как в отечественной литературе, но в то же время актуализировались вопросы борьбы с пережитками, с устаревшими традициями, проблемы всеобщего образования, женской эмансипации и другие. Таким образом, при всем ученическом характере новописьменных литератур уже на первой стадии их развития обозначились признаки национального своеобразия проблемного и образного комплекса художественно-публицистической прозы.

В 30-е годы советскими писателями все более активно разрабатывается такой вид фабулы, в котором историческая действительность показывается посредством частных и деталей социалистического строительства. Герои в таких произведениях выполняли производственно-общественные роли, при этом игнорировались личностные, нравственно-психологические вопросы. Очерковая декларативная проза ранних новописьменных литератур, выполняя социальный заказ и продвигая в массы революционные идеи, была далека от постановки сложных социально заостренных проблем, от создания многогранных характеров. При этом национальные писатели ускоренными темпами осваивали новые для них эпические жанры, дающие возможности более широкого охвата действительности. Например, М. Дышеков в 30-е годы написал новеллы «Старая и новая школа», «Дети и враги», «Люди и волки», о проблемной и идейной направленности которых говорят сами названия. О специфике образной системы можно также судить по заголовкам, построенным по принципу оппозиции. Также очевидны эти тенденции в рассказах черкеса Х. Гашокова «Трактор и люди» (1934), кабардинца А. Пшенокова «Муса» (1936), Т. Керашева «Аркъ» (1929), «Позор Машука» (1932), «Тайна Сарьет» (1934) и других. К документальному началу в названных произведениях северокавказских авторов относится достоверное описание быта кавказцев, их традиций, внешних образов, ценностей, мифопоэтической картины мира.

Начальные слабые попытки усложнения проблемности, придания большей объемности характерам и образам можно найти в ранних северокавказских романах, в которых стала (пока в схематичном и идеологизированном виде) формироваться концепция личности, основанная на национальном характере. Число первых романов конца 20-х – 30-х годов в северокавказской прозе не так велико, среди них можно выделить произведения Х.Аппаева, Дж. Налоева, А. Шогенцукова, Т. Керашева, М. Дышекова, Б.Гуртуева.

Несмотря на ориентацию новописьменных литератур на установки соцреализма, уже

изначально в них они не все реализовывались. В частности, методология мифологизации не приняла столь гипертрофированных форм, как в отечественной литературе. Это объясняется тем, что национальные писатели в первый период не овладели в достаточной степени приемами художественности и их тексты были максимально достоверны.

В первые годы войны появились произведения, насыщенные детальным описанием военных действий. К текстам, раскрывающим тему «человек на войне» на основе документального материала, можно отнести произведения М. Шолохова, А. Толстого, А.Фадеева, Н. Тихонова, Л. Леонова, А. Корнейчука, К. Симонова, Б. Горбатова, В.Кожевникова, В. Гроссмана, Э. Казакевича, П. Павленко, Л. Киачели, Р. Кочара и других. В северокавказской литературе в этот период можно отметить тенденцию к усилению сюжетности, как, например, у адыгских писателей - А. Евтыха, Д. Костанова, Х. Хавпачева, А. Шортанова, А. Кешокова; чеченских - З. Муталибова, Х. Ошаева; дагестанских - И.Керимова, М.- С. Яхьяева, А. Мудунова, А. Абу-Бакара и многих других.

К третьему этапу развития (середина 50-х – середина 80-х гг.) в северокавказских литературах событийно-хроникальная проза заняла твердые позиции. Начиная с 1950-х годов в жанровой системе северокавказских литератур в тесной взаимосвязи с активными процессами в отечественной литературе стали происходить значительные изменения, обусловленные социально-экономическими и политическими изменениями в жизни страны и в сознании людей. Эволюция событийно-хроникальной прозы 50-х годов была во многом инициирована выходом в свет знакового для этого жанра произведения - «Оттепель» И.Эренбурга. Это период, когда В. Овечкин в «Районных буднях» (1952 – 1956) и Г.Троепольский в цикле «Из записок агронома» (1953) одними из первых пробил ощутимую брешь в литературной картине «тотального благоденствия». В северокавказских литературах также наметилось движение от «бесконфликтности» к социальному детерминизму и объективизации, что, в первую очередь, отразилось на концепции личности. Одним из самых ярких примеров произведений с новым подходом к проблемности и трактовке социальных конфликтов стала диалогия адыгейского автора А. Евтыха «Улица во всю ее длину». Система образов в диалогии А. Евтыха традиционно строится на оппозиции, разработанной еще в прозе «исторического перелома», но обновляется сама трактовка личности, усложняются мотивы ее поведения, характер становится многомерно психологичным. А. Евтых показывает, что человеческая суть не может быть обусловлена лишь социальными факторами, что она намного глубже, а порой – просто необъяснима.

В п. 2.2. «Роль и значение принципа историзма в эволюции концепции личности в художественно-документальной прозе» отмечается, что принцип историзма в художественно-событийной литературе становится методологической основой, дающей направленность

структурно-содержательному уровню и образной системе произведения. Методология литературного историзма включает три базовых приема - интертекстуальный анализ, дискурсивная практика и биографический подход.

Актуальная во все времена историческая тематика обусловила появление в северокавказских литературах эпически масштабных художественных полотен, разделяемых исследователями на две группы: 1) исторический роман (изображение подлинных событий и реальных исторических лиц); 2) роман об историческом прошлом (свободное обращение писателя с событиями и с вымышленными героями) (классификация Н. Приймаковой).

При анализе исторических текстов достаточно продуктивна классификация Э.М. Омаршаевой, которая выделяет несколько модификаций: «а) историко-реалистический жанр (главный герой – выдающаяся историческая личность, в центре изображения – крупные исторические события; вымысел используется, но больше при описании вымышленных героев); б) историко-романтический жанр (свободное обращение с документом, историческим фактом; преобладание романтического и приключенческого начал над исторической достоверностью; изображение вымышленных событий наряду с реальными историческими; не воспроизведение исторических фактов, а раскрытие образов героев как главная цель)»¹⁴.

На начальной стадии развития новописьменных литератур историческое прошлое показывалось и осмысливалось исключительно через призму революционного переворота, что и обусловило мотивный и тематический комплекс, систему персонажей, выстроенную строго биполярно – в оппозиции положительных и отрицательных героев. Следует отметить, что тенденциозные планы разрушения всего дореволюционного наследия тормозили развитие литературы 20 – 30-х годов и существенно ее обедняли. Этот подход исключал принцип историзма, так как отбрасывался существенный пласт исторической действительности и, по сути, с позиций победившей идеологии моделировалась новая история российского государства.

Литература наполнилась стереотипными образами выдающихся исторических героев и современных тружеников - строителей коммунизма. Основной конфликт замыкался на противоборстве нового и старого мира, социальной борьбе и коллективном преобразовании города и деревни. Конкретика социального уклада и бытовизм наполняют рассказы Х. Андрухаева, Х. Хавпачева, Х. Тутукова, А. Шортанова. Постепенно ракурсы показа расширяются, методы усложняются, и уже в поздней новелле А. Шортанова «После атаки» проявляется авторская точка зрения, выраженная достаточно эмоционально. Такой же прием выявляется в повести О. Эбзеева «Мунир» и рассказе С. Мисрокова «Серебряный

---

¹⁴ Омаршаева, Э.М. Дагестанский исторический роман: особенности конфликта и типология структурных и содержательных аспектов / Э.М. Омаршаева. – Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 2011. – С. 68.

портсигар». В данном случае писатели реализуют один из принципов историзма – присутствие авторского видения как участника или очевидца событий. Оригинальным построением отличается рассказ чеченского писателя С.-Б. Арсанова «Мать» (1920), структурированный в форме монолога, состоящего из воспоминаний и впечатлений чеченского мальчика, который с матерью и сестрами живет в городе. В рассказе историзм реализуется через погружение в конкретную социально-историческую обстановку, подчеркнутую детализацию отдельных примет времени.

В целом, первые опыты обращения к историческому материалу были тенденциозны и имели целью воссоздание исторических событий с позиций победившего социализма. Впоследствии, после окончания Второй мировой войны эмоциональный пафос победителей сменился более объективным отношением к российской истории, как, например, в сборнике исторических новелл А. Евтыха «Священная река» (1946) («Священная река», «Как разбудить спящего», «Бессмертный» и др.).

В 60-е годы литература возвращается к военной тематике, но уже с позиций временной дистанции («Медвежий камень» З. Толгурова, «Мухаммат» Х. Кадиева, «Когда отец вернётся с войны» С. Теппеева, «Гнездо нартов» И. Гадиева и другие). Здесь уже можно говорить о большей объективизации и остраненности авторов, что позволило им в полной мере реализовать принцип историзма, подойти к критическому показу различных образов (не только в оппозиции положительных, героических и отрицательных, вражеских). В отечественной военной прозе тенденция к объективизированному показу выразилась, прежде всего, в стилевом направлении «окопной правды» (В. Некрасов, В. Быков, Ю. Бондарев).

В 60-80-е годы можно говорить об активном проявлении авторской позиции посредством принципа историзма. Так, в «Горцах» А. Шортанова национальный эпос вышел за пределы описания рядового общенародного бытия и затронул те исторические явления, которые повлияли на жизнь национальных этносов. Эпический диапазон описываемого, тяготение к всестороннему показу национального через судьбу главного персонажа в контексте его становления становится также ключевым направлением творчества А. Охтова.

Литература последних десятилетий XX века вошла в процесс переосмысления исторического прошлого с позиций беспристрастного и объективизированного историзма. В этом плане показательно, как автор цикла исторических романов И. Машбаш от каждого романа к следующему все больше совершенствует методологию историко-хроникального произведения. Например в романе «Джасус», посвященном разведывательной деятельности барона Ф.Ф. Торнау на Кавказе, Машбаш описал все черкесские поселения от Абхазии до Азовского моря, назвал и охарактеризовал князей адыгских племен. Очевидно, что многое заимствовано из книги самого Ф.Ф. Торнау «Воспоминания кавказского офицера», так как

сюжетная линия романа «Джасус» весьма близка к документальному повествованию русского посланника, но Машбаш придерживается этических принципов автора историко-хроникальных произведений и указывает в примечаниях полный текст диалогов, описаний местности и других фрагментов произведения Торнау.

Специального рассмотрения в контексте проблемы историзма требует специфика системы персонажей, типичной для северокавказской событийно-хроникальной литературы прошлого века. Содержание текстов первой половины и середины XX века Э. Капиева, Р. Гамзатова, А. Аткая, А. Кешокова, Магомеда-Расула, А. Евтыха, И. Машбаша, И. Казиева и других подводит к пониманию того, что и национальный, и социальный характер каждого этноса не постоянны и зависят от исторического периода. И писатели исторических произведений, в первую очередь, обратились к созданию национальных типов, характеров. Условно все жители аула делились на несколько групп, самая авторитетная из которых состояла из старейшин. Присутствующий в большинстве северокавказских произведений (Г. Гулиа «Абхазские Мафусаилы», И. Тарба «Солнце встает у нас») персонаж мудрого старика, несомненно, является идейным центром каждого произведения этого периода, и вокруг него уже структурируются остальные герои. Например, чеченский писатель С.-Б. Арсанов, воссоздавая панорамную картину социального переустройства деревни, сознательно сконцентрировал внимание на действиях и высказываниях старца Арсби, образ которого углубил приемами психологизации.

Методу историзма почти всегда сопутствует автобиографическая стилевая манера. В период 1970 – 80-х годов литературные явления, совмещающие в себе буквальность подробностей автобиографии с достоверными сведениями о реальности, оказались не менее востребованными. Речь идет об автобиографической прозе советских писателей – Юрия Трифонова, Льва Гинзбурга, Лидии Гинзбург и других, которые, поступаясь принципами художественности, сделали приоритетом возможность открытого выражения своего мировидения. Эту тенденцию уничтожить полностью оказалось неспособным даже идеологическое давление советского строя.

Прецедентным явлением северокавказской автобиографической литературы можно считать книгу Р. Гамзатова «Мой Дагестан», ставшую итогом авторского осмысления национальной истории, своего личного творческого и жизненного пути. Глубина историзма аварского поэта заключается в сопряжении в его художественном сознании прошлого, настоящего и будущего времен. Подчеркнутая авторская активность проявляется также в дневниковых записях «Отрывки из фронтовых дневников» Эффенди Капиева (1941-1943 гг.). Историзм текста Капиева не вызывает сомнений: автор – непосредственный участник войны, который со всей правдивостью и фактографичностью воссоздает «окопную правду». Записки

Капиева кинематографичны, между ними зачастую нет логической связи, они соединяются приемом монтажа. Но в целом создается потрясающая в своей правдивости и документальности правда об ужасе войны: замерзшие и окаменевшие в ожидании расстрела жители села, рожаящая под бомбами женщина, капитан Ф. Семенной, который, умирая от ран, приказал нести себя впереди роты, так как солдаты не должны идти в бой без командира. Тенденция к глубинному, на ментальном уровне национального характера, достоверному воспроизведению мужественности и стойкости своих соотечественников обнаруживается и в произведениях черкеса Аслана Туаршева «Испытание мужества», карачаевца Дагира Кубанова «Два времени», ногайца Суюна Капаева «Полноводная Газасу», черкеса Габаса Братова «Отзовись, брат мой!» и многих других северокавказских писателей.

В новописьменной прозе длительное время принцип историзма воплощался посредством автобиографического нарратива. Закрытость информации о далеком историческом прошлом, а также условия жесткой цензуры не позволяли северокавказским писателям осмыслить трагические страницы истории, участниками и современниками которых они не являлись, с позиций научного объективизма, но они использовали свой жизненный опыт, создав правдивые тексты с ярко выраженным автобиографическим началом. Например, в новелле адыгейского автора К. Жане «Встреча двух братьев» структуру и стиль текста определяет именно авторский голос, отчетливо звучащий и выражающий позицию писателя. В малой прозе кабардинца А. Кешокова писательские эмоции концентрируются и выражаются с такой силой, что их можно интерпретировать в качестве автономного и результативного художественного способа. Отметим, что манера А.Кешокова в значительной степени оказала влияние на дальнейшее развитие кабардинской прозы. В плане преемственности можно отметить повести Х. Кауфова «Орел умирает в полете» (1971), «Лес состоит из деревьев» (1972), М. Эльберда «Набирая высоту» (1972) и другие.

В п. 2.3. «Развитие проблемно-тематического содержания событийно-хроникальной прозы и особенности формирования образной системы» отмечается, что на раннем этапе национальные писатели просто и схематично обрисовывали события и персонажей, не анализируя мотивы и поступки, но при этом уже вычленились злободневные темы и проблемы.

В процессе отхода от фольклорных традиций начали осваиваться принципы сюжетостроения, приемы и методы создания типов и характеров персонажей. Достижением новописьменных произведений 30-х годов в целом стала художественная разработка персонажа нового типа, отвечающего запросам современной реальности и идеологии. Например, в малой адыгской прозе Х. Андрухаева, Х. Хавпачева, А. Шортанова, К. Жане, А. Кешокова и А. Евтыха в центральной и структурообразующей роли выступает героико-

патриотическая личность с драматической, а нередко и трагической судьбой, обусловленной социальными проблемами, как и в повести А. Серафимовича «Железный поток» (1924) об историческом персонаже Е.И. Ковтюхе (в романе - Кожухе). Подобно герою А. Серафимовича живут и действуют герои повести «Начало» его современника Дж. Налоева, рассказов А.А. Шогенцукова «Пуд муки» и «Под старой грушей», произведений Х. Теунова «Новый поток» и «Аслан», рассказа З. Максидова «Прошлые дни Гисы», отдающие все силы делу избавления своего народа от плена нищенской жизни. В целом новописьменные литераторы освоили документальный фактографический материал, необходимый для событийно-хроникального постижения и воссоздания судьбы одного или нескольких персонажей, что уже было движением к крупной эпической форме.

В годы войны актуализировалась героико-патриотическая модель сюжетостроения. В подобном стиле написаны произведения Х. Андрухаева «Девушка Галя», Х. Хавпачева «На берегах Баксана», А. Шортанова «После атаки». В.А. Нежинский в сборнике «Под боевыми знаменами» повествует о Героях Советского Союза из Карачаево-Черкесии, в книге «Солдаты умирают с оружием» рассказывает о рядовых бойцах, которые заслуживают не меньшего внимания. Весной 1942 года в газете «Адыгэ макъ» был опубликован очерк Ю. Тлюстена «Народым ыкью» («Сын народа»). Все эти произведения отличаются документализмом и нередко – лиризмом, как, например, поэма С. Яхутля «Хусен Андрухаев», где в лирическом стиле развивается героико-трагическая военная тема.

В послевоенной событийно-хроникальной прозе актуализировались биографические жанры – литературный портрет и новелла об историческом герое, например, А. Евтых в новелле «Священная река» (1946) воплотил образ Хатхе Магомета, в цикле заметок «Рассказы о черноморцах» (1943) рассказал о героях Черноморского флота, в очерке «Партизаны» – о баксанском партизанском отряде в Кабардино-Балкарии, во главе которого была Софья Жанказиева, не уступающая мужчинам в мужестве и смелости.

На протяжении всей послевоенной реальности XX века авторы постоянно возвращались к военным сюжетам, актуализируя через них не только тему боевых действий, но и вопросы морально-нравственного содержания. В основе всего этого корпуса произведений находится документальный материал. Назовем поэмы Х. Беретаря «Крылатая сестра» (1964), И. Машбаша «Старший брат» (1974, в русском переводе – «Память», 1978), Г. Духу «Дни, проведенные в седле» (1974), пьесу Г. Схаploка «Даут» (1967), повести А. Шеуджена «Не забудьте» (1962), «Над Псекупсом» (1977), Р. Мамия «Пока я жив» (1968), К. Жанэ «Хусен Андрухаев» (1970), Дж. Чуюко «Где камни горят» (1972), Б. Хачемизова «Подвиг артиллериста» (1968). Постепенно отходя от повествований о боевом героизме советских воинов, в прозе середины и второй половины XX века писатели обратились к

письмам, мемуарам, воспоминаниям участников боевых операций и тех, кто был в тылу, и сделали центральной проблемой судьбы отдельного человека на войне. В этом плане показательны произведения «В окопах Сталинграда» (1956) В. Некрасова, «Спутники» (1946) В. Пановой, «Повесть о настоящем человеке» (1946) Б. Полевого, «Звезда» (1947) Э. Казакевича, «Сын полка» (1947) В. Катаева и др. В адыгских литературах тема Великой Отечественной войны получила оригинальное воплощение в романах «Сломанная подкова» А. Кешокова, «Сто первый перевал» И. Машбаша и др.

В целом тема Великой Отечественной войны занимает внушительную нишу в северокавказской событийно-хроникальной прозе 50 – 60-х годов XX века, и в процессе ее творческой реализации писатели выработали приемы, ставшие типологическими. Авторы брали достоверный материал из реальных исторических источников – из дневников офицеров («Дневник офицера» А. Шортанова), публицистических заметок, очерков и репортажей, опубликованных в газетах военного времени («Бесстрашие», «Завещание» Д. Костанова), из реальных свидетельств и воспоминаний («Сестра партизана» Т. Керашева) и погружали их в художественный контекст. К примеру, в произведении черкесского драматурга Х. Карданова «Ленинградский эшелон» (1969) описывается история всенародной поддержки эвакуируемых из Ленинграда блокадников, и здесь автор опирается на воспоминания соплеменников, которые приняли в дом ленинградцев и помогали им всеми силами.

Также в этот период писатели уже полностью отошли от тенденции показа исторических личностей как либо положительных, либо отрицательных героев, освоив приемы создания многомерного человеческого характера. Эволюция концепции личности проявилась у Р. Гамзатова, А. Кешокова, И. Машбаша, Ф. Алиевой, А. Евтыха. В плане удачной разработки характера исторической личности художественно-документальными способами в абхазской литературе можно назвать роман Г. Гулиа «Водоворот» (1959), в котором актуализируется тема абречества, и роман Б. Шинкуба «Последний из ушедших» (1966 – 1973). В событийно-хроникальном тексте карачаевского автора 60-х годов С. Лайпанова «Сын Карачая – герой Белоруссии» воссоздается биография национального героя Османа Касаева, сражавшегося в лесах Белоруссии. Романы Магомед-Солтана Яхьяева «Три солнца. Повесть об Уллубие Буйнакском» и «В полдневный жар. Роман о Джелалутдине Коркмасове» посвящены историко-революционным событиям Дагестана, и в них также созданы характеры и типы, основанные на реальных прототипах. Не меньшей достоверностью отличается роман чеченского писателя М. Мамакаева «Мюрид революции», посвященный теме гражданской войны, написанный с целью «реабилитации своего народа».

К наиболее завершенной форме северокавказская событийно-хроникальная

литература пришла к последней трети XX века. Основной массив исследуемого стилового направления составляют исторические романы, повести и рассказы, в которых выявляется актуальная тенденция к осмыслению недавнего прошлого. Здесь следует сказать о преемственности традиций событийно-хроникальной прозы, которая получила полноценную реализацию в новейшей северокавказской литературе, в частности – в творчестве современного лезгинского писателя Абила Сардара (псевдоним Меджидова Абила Абдурахмановича, 1960 г.р.). Достаточно интересна жанровая специфика его текста «Сын двух матерей» (2019), идентифицированного автором как роман в трех книгах. Пространством текста является территория России, в том числе северокавказские республики – Дагестан, Чечня. Трилогия Сардара во многом автобиографична, структурно состоит из коротких рассказов, зарисовок, эссе, репортажей, которые объединяют сквозные персонажи и главный герой – Абид, под маской которого скрывается сам автор. Тематически эти рассказы почти не связаны. На наш взгляд, прозу Абила Сардара по многим критериям можно отнести к направлению non-fiction. Сардар пишет обо всем, что происходило с ним и с его страной, и тема обозначается сразу в названии: «Учитель», «Взятка», «Собрание», «Зимняя сессия», «Рождение дочери», «Чернобыль», «Село Сардаркент», «Волнения в Дербенте», «Террористы в Буденновске», «Война в Чечне» и другие. Стиль писателя репортажный, он тяготеет к динамичному развитию сюжета без долгих экспозиций и авторских отступлений, характеры подаются через поступки, которые настолько социально и личностно детерминированы, что становятся способом психологизации.

Определение нами прозы Сардара в качестве литературы non-fiction обусловлено предельной достоверностью нарратива, активным включением в текст документов, реальных географических объектов, событий, личностей. В свой синкретичный текст, кроме документов, автор вставляет и другие стилевые фрагменты, в частности, отрывки из уличных песен на злобу дня или частушек. Нередко текст Сардара настолько близок к публицистике своей достоверностью и вовлеченностью повествователя в событие, что может трактоваться как репортаж. По сути, Сардар открывает новое стилевое направление non-fiction в современной северокавказской литературе.

Глава 3. «Репрезентация исторических событий в северокавказской событийно-хроникальной прозе 60 – 90-х годов XX века» состоит из пяти параграфов. **В п. 3.1. «Усиление проблемности и эволюция жанровых форм событийно-хроникальной прозы»** выявляется, что событийно-хроникальная проза по мере ее развития расширяла жанровую систему, проблемно-тематический комплекс и совершенствовала видовые методы и приемы.

Ретроспективный подход к исследованию позволил выявить, что впервые к таким

событийно-хроникальным жанрам, как историко-этнографическое исследование и публицистический очерк, обратились северокавказские просветители: чеченские - Ч. Ахриев, У. Лаудаев, Т. Эльдарханов, братья Мутушевы, братья Шериповы; адыгские - Ш. Б. Ногмов, А.-Г. Кешев, С. Казы-Гирей, Хан-Гирей, У. Берсей, К. -Б. Ахмегуков, а также Б. Пачев, А.Хавпачев, П.Шекихачев и другие. Проблемный комплекс просветительской очерковой прозы концентрировался на вопросах безграмотности, нищеты, угнетенного положения женщин и всего этноса в целом.

Национальные писатели в 20-30-е годы активно взялись за воплощение темы героизма, которая исторически раскрывается на фоне проблемного пространства духовных и нравственных поисков, которое ограничивается вопросами социалистического переустройства, пережитков религиозного сознания, традиций, колхозного и производственного строительства. В ходе процесса жанрово-стилевой эволюции в этот период появились различные межжанровые формы, сочетающие черты и публицистических, и художественных текстов. В целом, развитие очерковых разновидностей шло через литературное освоение этнокомпонентов, поэтому ориентацию на документализм можно считать не недочетом первых новописьменных текстов, а их специфической чертой.

В северокавказской прозе военного и послевоенного времени содержание, конфликт, проблематика малой эпической формы подверглись значительным качественным трансформациям. В обстановке военных действий актуализировалась проблематика «человек и война», которая обусловила и структуру сюжета, и концепцию героической личности.

В целом, событийно-хроникальная проза к середине XX века сложилась в следующих жанровых модификациях: очерк, литературный портрет, повесть и роман. Необходимо отметить, что в этот период наблюдается рост художественного мастерства, прозаики стали глубже проникать в психологию героев, реалистичнее изображать события прошлого. И здесь актуализировалась необходимость в документе – официальном и человеческом. В жанровом плане появляются дневники, мемуары, воспоминания. Роман расширяет свое проблемное пространство, концепция личности становится не столь однозначной и схематичной (произведения Х. Теунова, А. Шортанова, А. Кешокова, С. Кушхова, Х. Хавпачева, А. Евтыха, Т. Керашева, И. Машбаша и других).

Поворот к освоению приемов художественного постижения реальной жизни горских народов в событийно-хроникальных произведениях Северного Кавказа был предпринят в 60 – 70-е годы, когда появились исторические и на историческую тематику романы А. Кешокова, Ю. Тлюстена, И. Керимова, А. Евтыха, Т. Керашева, А. Узденова, Б. Гуртуева, М. Геттуева и других. А. Шомахов в 60-е годы издал первую в кабардинской литературе документальную повесть «Сын старого орла» (1962), а в романе «Заря над Терекком» он в

критическом ключе анализирует суть современных ему общественно-политических событий. В жанре документальной повести написано и произведение кабардинского писателя Х. Теунова «Путь на Эльбрус» (1974), представляющее собой текст, возникший из личных наблюдений автора за достижениями социальной, экономической и культурной жизни республики.

Осмыслению с позиций нового сознания подвергается и далекая национальная история. Аутентичный материал, не имеющий аналогов в мировой литературе, представлен национальными писателями в раскрытии темы жестоких политических гонений своих народов в период Кавказской войны и последующего массового переселения за границу («Мост Сират» А. Теппеева, «Завывает ветер в Канатлы» И. Гадиева, «Последний день недели» Х. Шаваева, трилогия А. Айдамирова и другие). Названные авторы, положив в основу своих романов реальные факты, исторические источники, усилили их достоверность, тем самым акцентировав внимание на национальной проблеме, изменившей историю жизни почти всех народов Северного Кавказа, например панорамные романы И. Машбаша «Раскаты далекого грома» о восстании адыгейского крестьянства – Бзюкской битве, А. Шортанова «Горцы» (1954 - 1975), построенный на синтезе исторических фактов и вымысла, М. Мамакаева «Зелимхан», посвященный раскрытию темы абречества.

В современной литературе, в первую очередь, подверглась художественному переосмыслению проблематика военного времени, как, например, в романе карачаевской писательницы Халимат Байрамуковой «Мелек» (1981). В структурном плане роман состоит из двух уровней: один – репортажное, публицистическое описание хода военных событий, идущее через радиосообщения, репортажи, военные сводки; второй – судьба героини на фоне военной действительности, что ближе к традиционной романной структуре, то есть жанровая природа текста синкретична – в нем органично сочетается публицистически-документальное и художественное начало. Также активизируется автобиографическая проза участников Великой Отечественной войны (повесть журналиста Х. Тохчукова «Дороги времени» (1989, на родном языке), книга Х. Байрамуковой «Моя жизнь» (1996, на родном языке). Уже в XXI веке в оригинальной, редко используемой в северокавказских литературах форме дневника-ретроспективы написана книга И. Михайлова «Оккупация, или 160 дней по германскому времени – исторический Черкесск» (2007).

Также активизировалась проза в жанровых вариантах мемуаров, воспоминаний, дневников. Этот корпус событийно-хроникальных текстов достаточно многообразно представлен в карачаевской литературе военными мемуарами Х. Богатырева, Героя Советского Союза, гвардии полковника бронетанковых войск («За Родину», 1966; «Танки идут в атаку», 1971), выпущенными на родном и русском языках. Затем появились

«Воспоминания о современниках» (1975) А. Урусовой и «За счастье народное» (1976) М. Акбаева».

В целом, литература второй половины XX века расширяет границы проблемно-тематического показа, обращаясь к закрытым ранее для общественности вопросам национальной и общесоюзной истории. Многомерному показу способствует расширение жанровой палитры событийно-хроникальных текстов, среди которых следует выделить исторические повесть и роман, автобиографическую и биографическую литературу, мемуары (дневники, воспоминания, собственно мемуары).

3.2. Роль документа и публицистического начала в усилении проблемности и художественной правды. В 1990-е годы в советском литературоведении на страницах «толстых» журналов развернулись дискуссии о потребности ратификации документализма в литературе.

С начала XXI века находящийся на стыке с событийно-хроникальной прозой «новый журнализм», выраженный в форме прямого репортажа о событиях (стилизации С. Львовского, М. Скворцова, дневниковая проза П. Андрукович) оказывается одним из направлений «новой репортажности» или «нового психоделического реализма» (И. Давлетшин), активизируется литература non-fiction. Наблюдаются и более сложные формы автобиографизма в виде метафорического, притчеобразно развивающегося репортажа о внутреннем состоянии автора. В качестве примера можно назвать «Записи и выписки» М. Гаспарова, где уже в предисловии автор заявляет об отказе от художественности. В северокавказской литературе процессы стилевых модификаций в плане синтеза художественного и документального дискурса стали происходить позже, чем в отечественной литературе. Например, репортажность, как стилевая черта достаточно отчетливо сформировалась у национальных писателей ближе к концу столетия. Ярким примером репортажной прозы non-fiction служит роман-трилогия «Сын двух матерей» лезгинского писателя А. Сардара. Остраненность автора, его объективизированная манера, подтекст, который скрывается за внешней беспристрастностью и скрытой иронией, позволяют говорить о новой стилевой манере обрисовки исторических событий в северокавказской событийно-хроникальной прозе.

В северокавказских литературах во второй половине XX века в событийно-хроникальной прозе отчетливо обозначилась линия взаимосвязи и взаимообусловленности прошлого, его опыта и будущего в контексте позитивного ожидания перемен. В таком ключе выстроена фабула повести М. Кармокова «Надежда» (1984). В целом, период 70-х – 90-х годов характеризовался дальнейшим усилением психологизма в прозе, что не препятствовало присутствию документального материала. В романах и повестях, драмах и

поэмах Алима Кешокова, Тембота Керашева, Д. Костанова, И. Машбаша, К. Кулиева, Х. Бештокова, Б. Утижева, Н. Куека, Х. Беретаря, М. Эльдарова и многих других национальных писателей конкретно воссоздаются подлинные исторические картины завоевания северокавказскими народами своего места в мире в окружении могущественных недоброжелательных соседей.

Дальнейшая активизация на протяжении двух последних десятилетий прошлого века исторического (а с ней и фактического) компонентов, например в чеченской литературе, была обусловлена произошедшими в этот период в Чеченской республике революцией и двумя войнами. Обострение социальной обстановки предопределило усиление авторского внимания к приоритету нравственных ценностей при рассмотрении реальных военных событий и оценке участников боевых действий. «Анализ современной прозы Чечни, – как отмечает Л. Ибрагимов, – свидетельствует о том, что рассказ и повесть последних десяти лет находятся в активном поиске художественных средств и приемов адекватного отражения национальной ментальности (рассказы С.-Х. Нунуева, И. Эльсанова, М. Бексултанова, С.-Х. Кацаева, М. Мутаева, Б. Шамсудинова, Р. Ибаева, М. Айдамировой, И. Закриева, А. Шатаева; повести: С. Яшуркаева, В.-Х. Амаева, Канташа, Л. Куни)»¹⁵.

Масштабную картину адыгской истории воспроизводит И. Машбаш в романах «Редедя», «Бзиюкская битва», «Адыги», «Жернова», «Хан-Гирей», «Лазутчик», «Изгнание», целиком и полностью построенных на подлинных фактах истории. Например, в романе «Восток-Запад» с опорой на события и факты жизни жителей средневековых Египта, Европы, Турции, Черкесии показана деятельность адыго-черкесских мамлюков. В романе «Адыги» воспроизведена эпоха Ивана Грозного во всем драматизме взаимоотношений России и народов Северного Кавказа. В романах «Жернова» и «Бзиюкская битва» также обрисованы образы людей и реальных событий, описан характер взаимоотношений внутри черкесских племен, обнародованы многочисленные факты из истории русско-турецких, русско-черкесских-турецких военных и политических столкновений. В романе «Хан-Гирей» героем является офицер царской армии, европейски образованный человек, писатель, историк и этнограф Султан Хан-Гирей. На документальной основе построены и исторические романы Машбаша «Княгиня Аиссе» и «Два пленника». В первом воспроизводится судьба черкешенки Айшет, волей судьбы в подростковом возрасте оказавшейся при французском дворце XVIII века и сыгравшей значительную роль в раскрытии сложных дворцовых интриг в период падения нравов абсолютистского режима в своих «Письмах к госпоже Каландрини». В целом можно констатировать, что в романах

---

¹⁵ Ибрагимов, Л.М. «Свой / чужой» в русскоязычной чеченской литературе / Л.М. Ибрагимов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2010. – Вып. 3. – С. 13.

адыгейского писателя Исхака Машбаша фактический документальный материал выходит на уровень больших художественных возможностей.

Не менее существенную роль сыграли и романы кабардинского классика Алима Кешокова «Вершины не спят», «Сломанная подкова», в которых факт стал прочным сюжетно-композиционным основанием, определяющим художественную форму и стиль повествования. Конкретные исторические реалии воссоздают и многие другие (чеченские, адыгские, дагестанские, ингушские, карачаево-балкарские) авторы, включаясь в процесс переосмысления национальной и общероссийской истории.

В п. 3.3. «Жанровые и структурно-стилевые особенности событийно-хроникальной прозы» отмечается, что эти особенности оформились в достаточно завершённую и целостную систему к 80 – 90-м годам XX века.

Писатели, актуализировавшие новую модифицированную волну событийно-хроникальной и мемуарно-автобиографической литературы, изменили отношение читателей и критиков к роли документального начала в художественном тексте и его трактовке. К созданию новых документально-художественных текстов обратились не только писатели, но и известные литературные критики, издатели, журналисты, профессионально владеющие литературными техниками, не обязательно художественными - М. Безродный, А. Генис, М. Гаспаров, А. Жолковский, Вл. Новиков, А. Чудаков, а также писатели, признающие концептуальность документализма – Евг. Попов, Д. Галковский, А. Сергеев, С. Гандлевский, Г. Брускин, Л. Рубинштейн, Д.А. Пригов, С. Минаев, – что привело к появлению оригинальных синтетических жанровых форм, как, например, филологический роман, миддл-литература, non-fiction, офисная литература и др.

Проза non-fiction в 1990-е годы занимает приоритетное положение, близок к ней жанровый тип романической эссеистики с ее подчеркнутым интересом к личности. В числе новых литературных течений находится и миддл-литература, «литература «второго» ряда, необразцовая, неклассическая»¹⁶. Герой миддл-литературы мало размышляет, но при этом много действует, пытаясь реализовать свои представления в среде безразличного и инертного окружения, также он стремится к успешному существованию. Можно привести в пример роман В. Бакланова «И тогда приходят мародеры», в котором автор-фронтвик с негодованием описывает время нуворишей. В структурном плане роман В. Бакланова напоминает хронику, в которой детально воссоздается атмосфера кризисного для России времени, и перед читателем предстают предельно реалистичные типичные образы.

В целом можно отметить стремление современных писателей к разножанровым и

---

¹⁶ Хализев, В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – М.: Высш. школа, 2004. – С. 161.

разностилевым экспериментам. Например, А. Проханов применяет в ряде своих романов, тяготеющих к публицистичности, прием личностной портретизации. Главный объект показа (почти всегда) – народ, положительный персонаж константно персонифицируется с фигурой автора. Некоторые действующие лица носят характер иносказательных фигур, представляя собой характерные типажи человеческого социума - противники, предатели, друзья, лжецы и другие. В этот же период конца XX века появляется целое литературное направление, специализирующееся на показе жизни и устремлений нового социального класса – «белых воротничков», «офисников», «офисного планктона». Эти тексты отличаются стандартизованностью речи персонажей и нацелены на показ бездуховной атмосферы общества потребления.

В северокавказской событийно-хроникальной прозе мы не отметим подобного жанрово-тематического разнообразия, например «офисная» и миддл-литература не получили реализации в силу особенностей национальной жизни и менталитета. Но при этом продолжали активно и глубоко раскрываться темы национального исторического прошлого и героизма. Событийно-хроникальная средняя эпика, посвященная великой Отечественной войне, была собрана в коллективных сборниках «Золотые звезды Адыгеи» (1980), «Они ковали победу» (1985), «50 лет Великой победы» (1996). В этой тематической группе необходимо назвать повести и очерки К. Жане «Хусен Андрухаев» (1970), Р. Мамия «Пока я живу» (1968), Б. Хачемизова «Подвиг артиллериста» (1968), Д. Чуюко «Где камни горят» (1972), Г. Духу, Т. Афасижева, Г. Ачмиза, Х. Теучежа, И. Иваненко, Н. Резниковой, Д. Крылова, Х. Тлевцежева, Е. Салова, Х. Сиджаха и других.

Современные северокавказские авторы уже на более совершенном уровне создают событийно-хроникальные произведения, наполненные многосторонними, сложными типажам, социально значимыми конфликтами и глубокими авторскими размышлениями и комментариями. Актуализировались темы репатриации, массового выселения народов, геноцида. В частности, на осмыслении темы репатриации построен весь сюжетный комплекс средней эпики С.-Б. Арсанова. Не вызывает сомнений, что событийно-хроникальная литература становится действенным инструментом национальной идентификации и возможного самосовершенствования этноса в целом и отдельной личности.

Основными видами композиционно-стилистических приемов в северокавказской событийно-хроникальной прозе второй половины XX века являются следующие: непосредственное изложение от имени автора, стилизация различных видов дискурса - разговорного, литературного, эпистолярного, делового. К тому же имеют место всевозможные конфигурации писательского монолога (морально-нравственные сентенции, философско-мировоззренческие размышления, деловые комментарии, пафосные реплики,

этноокрашенные высказывания и т.п.). Например, Р. Гамзатов в автобиографическом тексте «Мой Дагестан» открыл и реализовал ряд оригинальных возможностей бессюжетной прозы, что сделало этот текст произведением созерцаний и размышлений. В его лексике синтезированы архаически-стилизированный дискурс и живая народная речь; в поэтике отмечаются фольклорные традиции, в частности, преобладание таких средств выразительности, как сопоставление, одушевление, гиперболизация, метафора, синтаксический параллелизм и т.д. Подобные приемы встречаются и в исторической повести балкарского писателя О. Этезова «Камни помнят» (1976), в которой проявляются признаки лирической структуры, заимствованные из фольклора. Малая по размеру повесть адресована одному из событий, произошедших на Северном Кавказе во время гражданской войны. Повесть насыщена документальными фактами общественного развала, воссозданием народных надежд на изменения, связанные с революцией, и сценами всенародного единства. Интересен и нетипичен для этого периода стиль повести, которая от начала до финала написана «непрерывным текстом», напоминающим «поток сознания».

Непрестанное политическое давление на чеченский народ оказывало и негативное эмоциональное воздействие на народное сознание, что отражалось в национальной эпической прозе посредством внутренних монологов центрального персонажа, как в рассказах А. Шатаева «Проклятый», «Предчувствие» («Вайнах», № 8, 2005).

Для языка художественно-документальной прозы характерно совмещение разностилевых речевых фрагментов, а определяющей стилевой прерогативой является синтез литературно-художественных и журналистских приемов, например, репортажный стиль. Автор современного событийно-хроникального текста чаще всего выступает в роли повествователя или персонажа, детально фиксирующего, но не анализирующего и не комментирующего события. Но при этом автор отбирает факты и документы, и таким образом его субъективная позиция влияет на общественное сознание, оказываясь достаточно действенным приемом осмысления исторического прошлого. Субъективизм в определенной степени связан с приемом индивидуализации, который предполагает расположение в фокусе текста самой фигуры писателя с описанием частных деталей ее жизнеописания. Эти тенденции со всей очевидностью проявляются и у многих национальных авторов, например, в рассказе С.-Б. Арсанова «Мать» (1962), написанном от первого лица, в романах А. Айдамирова, который, описывая обыденные детали и бытовые мелочи времени, достигает предельной достоверности.

В ряду несомненных стилевых достижений национальной событийно-хроникальной эпики находится показ природных явлений, соотносимых с внутренним состоянием персонажей или предваряющих какие-либо важные события. Эта тенденция не нова: она

основана на фольклорных приемах природного параллелизма. Но в данном случае, она служит инновационным приемом именно для жанра событийно-хроникальной литературы в контексте методологии соединения документального и художественного нарратива. В частности, у А. Айдамирова уже в экспозиции романа «Долгие ночи» мрачный и серый ландшафт прямо предсказывает бедствие, вихрь обжигает кожу, черный ворон предвещает горести, а тропинка «извивается змеей». Традиция одушевления естественно-природных явлений продолжается и развивается А. Айдамировым также в повести «Калужский пленник», когда рассказчик детально изображает природные катаклизмы, по народной примете обязательно предвещающие какое-либо неординарное событие, в данном случае – нападение русских войск в 1843 году, усматривая в факторе ненастья загадочную судьбоносную предрасположенность, предвестие неудачного исхода нападения русских: «сам Аллах послал на помощь дагестанцам против русских среди лета глубокий снег и трескучие морозы!»¹⁷

В п. 3.4. «Реализация принципов историзма и документализма в исторической прозе А. Айдамирова» отмечается, что его творчество сыграло значительную роль в развитии чеченской событийно-хроникальной прозы.

Трилогия А. Айдамирова («Долгие ночи» (1972), «Молния в горах» (1989), «Буря» (1999)) основана на исторических реалиях и охватывает жизнь и деяния известных исторических персонажей (Шамиль, Бакунин, граф Воронцов, граф Игнатъев, граф Барятинский, абрек Зелимхан) и обычных людей (Маккал, Корней, Мачига и Васал), попавших в водоворот истории. В трилогии отсутствует активный центральный персонаж, что многие исследователи трактуют как «принципиальную идейную позицию автора»¹⁸. Структурное решение отдельных частей трилогии достаточно неоднородно. Одновременно с документальными материалами имеют место и авторские комментарии, и фольклорные элементы.

В качестве ведущей черты идиостиля писателя можно выделить стремление к предельной правдивости и объективности, которая выражается в том, что образы уже не столь однозначны, как в первых северокавказских исторических романах. Например, А. Айдамиров показывает пришедшего на чеченскую землю в качестве завоевателя Якова Абросимова как человека умного и сдержанного, который не демонстрирует своего превосходства и далеко не уверен в справедливости осуществляемых царизмом акций. Концептуальной в этом ракурсе является экспозиция первого романа трилогии «Долгие ночи», в которой передаются тревожные размышления генерал-лейтенанта князя Михаила Таризловича Лорис-Меликова о стратегии

---

¹⁷ Айдамиров, А.А. Собр. соч.: в 6 т. Т. IV / А.А. Айдамиров. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2005. – С. 291.

¹⁸ Джембекова, Т.Б. Роль фольклора в эволюции чеченской прозы XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02, 10.01.09 / Джембекова Тамара Белаловна. – Майкоп, 2010. – С. 14.

царского правительства в ходе русско-кавказской войны. Называя эту стратегию «идиотизмом», раздраженный ставленник власти не может понять, «на кого он больше злится: на горцев, что никак не хотят покориться, или на тех, кто навязывает им свою волю»¹⁹.

Для полной достоверности А. Айдамиров в романе приводит подлинные документы, письма-доносы реальных людей, и строит на их основании далеко не оптимистичное повествование. «Записки Абросимова», вводимые автором в повествование, представляют собой весьма ценный и важный для понимания идейной направленности текста материал, в котором заключены не только жестокая правда, но и стремление автора разобраться в непознанных до сегодняшнего дня проблемах истории. Через образ Абросимова, его беседы с А.А. Бестужевым-Марлинским - знаменитым другом кавказских народов – автор транслирует свою позицию по важнейшей проблеме русско-кавказских отношений. Почти все проблемы, поднятые чеченским писателем в советское время, оказываются крайне актуальными и сегодня, в постсоветском обществе.

Одна из центральных тем трилогии – тема патриотизма, для раскрытия которой А. Айдамиров обращается к личности национального героя Зелимхана, возглавившего освободительное движение чеченского народа. Автор в героическом стиле описывает смелые набеги знаменитого абрека, о которых узнал из архивных документов, представляющих собой донесения, написанные информаторами царской службы и обозначенные реальными датами и подписями. Интересна также трактовка образа народного вожака Алибека: если в своих исторических текстах писатель неоднократно осуждал безоглядное бесстрашие и своеволие военных лидеров, то к Алибеку он выказывает уважение, заставляя читателя восхищаться таким предводителем.

А. Айдамиров в своей творческой манере писателя-хроникера демонстрирует и масштабность исторического охвата, и подробный показ человеческих судеб, создавая глубоко психологические картины непростой судьбы своего народа в повести «Один день судьбы». Структурное решение произведения для жанра повести достаточно сложное, полисюжетное. Хронотоп разорванный, действие перемещается из настоящего в область прошлого. Показательна в этом плане сцена, в которой боец Алха вспоминает о совсем юном лейтенанте Шахиде, который умер на его руках. Алха под впечатлением предсмертного наказа своего соплеменника похоронить его по законам гор, мысленно перемещается в пространство прошлого, столь же активное в его сознании, как и настоящее.

Пределно реалистичными выглядят у чеченского автора и отрицательные образы. Например, изображая встречу активно действующего в чеченском селе доносчика с

---

¹⁹ Айдамиров, А.А. Собр. соч.: в 6 т. Т. I / А.А. Айдамиров. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2004. – С. 20.

комендантом, дающим ему следующее задание по слежке за односельчанами, автор-рассказчик опирается на личный опыт. А. Айдамиров подробно описывает, как мужчина принимает от коменданта документы с биографиями его односельчан Абдул-Азима и Алху. Вводя в повествование полные тексты доносов, писатель воссоздает напряженную обстановку периода так называемой «антитеррористической политики».

Наряду с размышлениями вымышленных персонажей писатель вводит в текст прямые свидетельства реального человека, пострадавшего от репрессий. Подобного рода фабульную функцию исполняют в повести «Один день судьбы» рослый, статный старец и сопровождающий его двенадцатилетний сын. Писатель посвятил эту повесть своему отцу, она, несомненно, носит автобиографический характер. Своеобразная композиция, напоминающая киносценарий, позволяет А. Айдамирову показать множество эпизодов, десятки образов, достигнув тем самым широкого изображения жизни народа, поставленного властью вне закона. Повесть полна трагического пафоса, но в то же время наполнена оптимизмом, верой в человека, который даже в бесчеловечных условиях остается Человеком.

В повести А. Айдамирова приводится эпизод, в котором рассказчик во всех деталях рассказывает о процедуре изгнания - как его и его родных бесцеремонно поторапливали к погрузке в машины, как женщина с ребенком на руках несколько замешкалась, чем вызвала ярость бойца, который схватил ребенка за ногу и бросил его в сугроб. Продолжающий повествование рассказчик пытается найти причины его бесчеловечных действий и предполагает, что, возможно, где-то фашистами была истреблена семья солдата, а ему внушили, что чеченцы поддерживали немцев. Чеченский писатель старается быть объективным, показывая, что война нанесла непоправимый урон всем людям, независимо от их национальности, а идеологическая машина, которая не переставала работать, теперь нашла новые объекты.

Не менее актуальной представлялась чеченскому писателю тема роли национальных вождей в истории. В повести А. Айдамирова «Калужский пленник» центральным персонажем становится чеченский предводитель периода Кавказской войны - имам Шамиль. Обращаясь к столь серьезной теме, писатель оставляет за собой право комментировать происходящее. Причем в повествовании нередко идет речь от лица главного персонажа, что дает возможность приблизиться к нему, сократить историческую дистанцию и проникнуть в мотивы его героической деятельности.

Следует отметить, что при помощи разнообразных повествовательных методов и приемов, а также различных фабульных коллизий А. Айдамиров последовательно, документально обоснованно и при этом красноречиво и эмоционально раскрывает важнейшие темы национальной истории и сопутствующего ей духовно-нравственного и

морально-этического социально обусловленного контекста.

В п. 3.5. «Эволюция жанров крупных эпических форм: синтез документа и художественного вымысла» отмечается, что жанровые трансформации проявились в появлении новых видовых форм, отмеченных тяготением к жанровому и стилевому синкретизму. Также правомерно говорить об объективном историзме, и здесь большое значение имеют официальные документы, письма, дневники, воспоминания. Воздействие хроники на общественное сознание стало столь влиятельным, что «чистая» художественная проза отошла на второй план, уступив место non-fiction, миддл-литературе, синкретичным событийно-хроникальным романам, документально обусловленным текстам, запрещенным в период жесткой цензуры.

Во второй половине 80-х – начале 90-х годов северокавказские писатели (Н. Музаев, М. Мусаев, Д. Дадашев, У. Ахмадов, Х. Саракеев и др.) обращаются к современной им действительности, создавая новые характеры в новых обстоятельствах. В национальной прозе выявляются жанровые приоритеты, в частности, актуализируется интерес к жанровому варианту рассказа-случая, близкого к документальной прозе («Чечен-гексоген» А. Давлетукаева («Вайнах», 2004, № 7), «Телевизор» Т. Чагаевой («Вайнах», 2004, № 10); С. Мусаева – «Перед рассветом» («Вайнах», 2005, № 9), «Абрикос» («Вайнах», 2006, № 6), «Поездка» («Вайнах», 2006, № 8), М. Хасаевой «Под проливным дождем» («Вайнах», 2006, № 1), И. Айбаева «Заложник» («Вайнах», 2009, № 1) и другие). Усиливающаяся ориентация на злободневную актуальность инициировала снижение сюжетности, характерной для романа. В тематическом плане активизировался интерес к неординарным катастрофическим событиям, что дало начало прозе катастрофы (термин Н.Ивановой).

Не менее актуальными в последней трети прошлого века остаются произведения об Октябрьской революции и Великой Отечественной войне, которые в полной мере можно отнести к литературе катастрофы. В адыгской прозе эта направленность раскрывается в повестях А. Евтыха «Десант» (1973), Х. Ашинова «Вооруженные люди» (1977), П.Кошубаева «Игла в сердце» (1980) «Семь дождливых дней» и в других произведениях.

Военная проблематика с позиций освобожденного творческого сознания приобретает иной ракурс рассмотрения и в произведениях чеченских писателей нового поколения – М.Ахмадова («Сказка о трёх братьях», «А мельница крутилась и на рассвете»), М. Бексултанова («Черный глаз», «Бухта «Крест»»), С. Яшуркаева («Красный майор») и других, в которых очевидно перемещение центра внимания с события на характер, а очерковая стилистика уступает место психологизации характера.

Опора на документы, ставшая константной чертой, позволяет авторам раскрыть тему войны с позиций объективного историзма. Например, свой роман-хронику «За чертой

милосердия» (1977) Дм. Гусаров начал с полного текста «Приказа Штаба партизанского движения при Военном Совете Карельского фронта» от 13 июня 1942 г. (г. Беломорск). Эта тенденция проявляется в таких прецедентных текстах отечественной батальной литературы, как романы В. Богомолова «Момент истины», Л. Платова «Секретный фарватер», Вс. Овчинникова «Горячий пепел», Ю. Семенова «Альтернатива. Политические хроники», С. Наумова «В двух шагах от «Рая» и др.

Участник военных действий В.С. Пикуль в своих исторических романах также воссоздает ход боевых действий на основе архивных материалов, писем, интервью с очевидцами. М.Алексеев в книге «Мой Сталинград» (1993) предпочитает мемуарный стиль, выдвигая цель «рассказать лишь о том, что видел и пережил сам, только о том, чему был сам свидетель» (Алексеев В.А., 1980, с. 74). На примере творчества Х. Ошаева можно подтвердить стремление к документализму российских и северокавказских писателей. После издания книги С. Смирнова «Брестская крепость», не содержащей упоминания ни об одном герое из Чечено-Ингушетии, Х. Ошаев начал поиски документальных доказательств присутствия соплеменников при обороне Брестской крепости. В результате обнаружили фактические данные о том, что в этой битве участвовало около четырехсот чеченцев и ингушей, подвиг которых Х. Ошаев описал в книге «Брест – орешек огненный».

В целом, в 70 – 80-е годы в художественном постижении проблематики Великой Отечественной войны в российской прозе просматривается относительный отход от доблестно-героического пафоса в направлении углубления психологизма. Эта тенденция инициирует движение от полностью документальных текстов к событийно-хроникальным и художественным. Так, в частности, тексты «Серебряный дед», «Алибек – сын Дыгаласа» и «Элия» (1980) балкарского писателя М. Батчаева отличаются мировоззренческой философичностью, глубиной прорисовки характеров и художественной законченностью. При этом, включенные в них ранее засекреченные архивные материалы помогли писателю реставрировать важнейший период в истории этноса. Подобного рода установки прослеживаются и в произведениях других северокавказских авторов - «Сын Ленина» (1962) Б. Тхайцухова, «Фронтные дороги» (1980) К. Шурдумова и др.

Мотив «человек и война» является обязательной и непреложной составляющей литературы последних десятилетий, и он раскрывается наиболее продуктивно в жанровой форме текстов-репортажей, в качестве которых можно назвать повесть Н. Арданова «Кровавыми тропами» (1991) и роман Г. Схаploка «Заом имафэхэр» («Дни войны», 1988). В северокавказской «военной» прозе также появляются среднеобъемные эпические подвиды - экшн-повесть, эссе и жанр мемуаров. В этом плане показательны произведения многих поэтов и писателей Северного Кавказа: Д. Яндиева, К. Отарова, А. Кешокова,

Д. Кугультинова, Ал. Тепеева, З. Толгурова, Т. Зумакуловой, Н. Хубиева, А. Шогенцукова и других.

В плане реализации классических форм исторического текста необходимо выделить произведения кабардинских писателей – «Лес состоит из деревьев» (1972) и «Орел умирает в полете» (1971) Х. Кауфова; «Набирая высоту» (1972) М. Эльберда, а также романы А. Налоева, К. Эльгара и других. Таким образом, в северокавказских произведениях 80-х годов усиливается тема социальной памяти, что способствует дальнейшему обнаружению и осмыслению «белых пятен» исторического прошлого.

Существенно, что интерес к катастрофичной тематике активизировался и в «эмигрантской» северокавказской литературе периода 90-х годов. В романе Кадыра Натхо «Отверженные» воссоздаются достоверные картины непростой жизни эмигрантов на фоне проблемы социальной адаптации. Другой роман – «Долгое – долгое возвращение домой» – по жанру является романом-воспоминанием, построенным на исключительно реалистичных событиях.

Теме Кавказской войны, ее трагических последствий для горских народов и возникновению черкесской диаспоры на Ближнем Востоке посвящена книга кабардинского писателя Х. Кауфова «Вечные странники» (2002). В современной адыгской литературе доминируют проблемы моральной оценки Кавказской войны и махаджирства в контексте философского осмысления исторической прозы, как, например, в романах И. Машбаша «Жернова» и трилогии М. Кандура «Кавказ». С полной уверенностью можно говорить об инновационности стиля М. Кандура, об оригинальной разработке событийно-хроникальной формы, в которой он творчески синтезирует документальный и художественный материал, используя прием монтажа. Глобальность охвата пространства и времени в трилогии почти не имеет литературных аналогов - изображаются два века исторической жизни Северного Кавказа, Турции и России, затрагиваются и Великобритания, Польша, Грузия, Армения. Образы исторических лиц подаются автором не только в качестве знаковых фигур эпохи: они в большинстве психологичны и индивидуальны в проявлениях характера, нрава, привычек, ума и чувства. Герои и героини – не только шапсуги, убыхи, абадзехи: в первом и во втором томах – кабардинцы и чеченцы, в третьем – представители всех адыгских племен. Трилогия наполнена авторскими размышлениями о причинах и последствиях Кавказской войны. Здесь автор публицистичен и одновременно эмоционален.

К оригинальному жанру моно-повести относится текст дагестанского писателя К. Абукова «И Судный день впереди» (1991-1997), представляющий собой эмоциональную и драматичную цепь размышлений о современном моменте и о духовно-эмоциональном опыте человека XX века. К. Абуков повествует о драматических явлениях в жизни

многонационального государства, о том, как они отразились на жизни представителей северокавказских народов. Повесть построена на мозаичных ассоциативных воспоминаниях главного героя Мурадбека Валиевича о партийном прошлом, о «перегибах» советской власти, авантюрных проектах переселения дагестанских народов на кумыкские земли, о планах создать общий этнос – «дагестанцы» – и многих других. В анализируемом произведении отчетливо проявляются черты нового подхода – объективного, без излишней идеализации и нивелирования серьезных вопросов национальной и отечественной истории. Писатель предельно откровенен, в своих воспоминаниях он обращается к документам, фактам, датам. Авторская точка зрения, реализуемая через внутренние монологи и воспоминания главного персонажа, придает произведению достаточную эмоциональность и искренность. Можно сказать, что повесть дагестанского писателя К.Абукова «И Судный день впереди» представляет образец событийно-хроникального произведения нового времени.

В заключении подводятся итоги по приведению и систематизации художественных возможностей документалистики в процессе ее включения в прозу, обобщаются результаты диссертационного труда и формулируются перспективы дальнейших исследований.

Перспективы дальнейших исследований по теме настоящей диссертационной работы просматриваются в более детальном рассмотрении вопросов трансформации жанровых видов современной северокавказской событийно-хроникальной прозы с их последующей классификацией и описанием типформирующих признаков. Также требует отдельного научного осмысления проблема документального интертекста в плане выявления его видов и функций. Некоторые виды исследуемого жанрово-стилевого направления находятся в стадии зарождения и представляют единичные произведения (дневники, офисная и миддл-литература, автобиографии и др.), но при этом наблюдается тенденция к их активизации, что, в свою очередь, требует внимания северокавказских литературоведов. Также не снимается актуальность исследований типологических связей между национальными литературами и отечественной художественной словесностью.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Монографии:

1. Чукуева, З.Н. Документ как форма художественного мышления и особенности «малой» прозы Абузара Айдамирова / З.Н. Чукуева. – Майкоп: И.П. «Коблева М.Х.», 2011. – 136 с.
2. Чукуева, З.Н. Жанрово-стилевые особенности северокавказской событийно-хроникальной прозы XX века в контексте типологических связей с отечественной литературой: монография / З.Н. Чукуева; науч. ред. Ф.Б. Бешукова. – Грозный, 2020. – 248 с.

II. Статьи, включенные в Перечень научных журналов и изданий, рекомендуемых ВАК

Министерства науки и высшего образования РФ:

3. Чукуева, З.Н. Исповедь души как документ в психологической прозе / З.Н. Чукуева // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – Майкоп, 2012. – Вып. 2. – С. 60–64.
4. Чукуева, З.Н. Документ как источник форм художественного осмысления событий / З.Н. Чукуева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. – Махачкала, 2013. – № 4. – С. 96–100.
5. Чукуева, З.Н. Документализм как существенный элемент современной литературы / З.Н. Чукуева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. – Махачкала, 2014. – № 1. – С. 100–103.
6. Чукуева, З.Н. Доля книжной атлантиды / З.Н. Чукуева // Austrian journal Of humanities and Social sciences. – Вена: Scopus, 2014. – № 9-10. – С. 234–236.
7. Чукуева, З.Н. Эпический сюжет и проблемы документализма в отечественной (в т.ч. чеченской) литературе нового времени / З.Н. Чукуева, И.А. Халипаева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – Махачкала, 2015. – № 3. – С. 79–81.
8. Чукуева, З.Н. Грани документальности и ее вариации в прозе / З.Н. Чукуева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – Махачкала, 2015. – № 3. – С. 81–84.
9. Чукуева, З.Н. Особенности художественной личности в контексте хроникально-документальной основы повествования, как в северокавказской, так и чеченской прозе прошлых веков / З.Н. Чукуева // Успехи современной науки. – Белгород, 2016. – Т. 3, № 10. – С. 88–91.
10. Чукуева, З.Н. Событийно-хроникальная северокавказская проза прошлого века / З.Н. Чукуева // Успехи современной науки и образования. – Белгород, 2016. – Т. 5, № 11. – С. 131–134.
11. Чукуева, З.Н. Факт и документ в образно-композиционной системе прозы / З.Н. Чукуева // Успехи современной науки и образования. – Белгород, 2016. – Т. 8, № 11. – С. 26–29.
12. Чукуева, З.Н. Героизм в отечественной (в т.ч. как северокавказской, так и чеченской) прозе конца XX – начала XXI вв. / З.Н. Чукуева // Балтийский гуманитарный журнал. – Калининград, 2017. – Т. 6, № 4 (21). – С. 220–227.
13. Чукуева, З.Н. Направления документализма в северокавказской литературе / З.Н. Чукуева // Балтийский гуманитарный журнал. – Калининград, 2017. – Т. 6, № 3 (20). –

С. 112–115.

14. Чукуева, З.Н. Роль документа в художественной системе прозы / З.Н. Чукуева // Культура и цивилизация. – 2017. – Т. 7, № 4А. – С. 323–335.
15. Чукуева, З.Н. Идеино-воспитательные и просветительские особенности отечественной и северокавказской литературы (в том числе чеченской) / З.Н. Чукуева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. – 2017. – № 11. – С. 173–177.
16. Чукуева, З.Н. Художественно-изобразительные особенности хроникальной отечественной и северокавказской литературы нового времени / З.Н. Чукуева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. – 2017. – № 12. – С. 271–275.
17. Чукуева, З.Н. Новый характер традиций документализма в отечественной литературе конца XX и начала XXI вв. / З.Н. Чукуева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. – 2017. – № 10. – С. 172–176.
18. Чукуева, З.Н. Жанровая классификация и структура документального начала в прозе / З.Н. Чукуева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. – 2018. – № 6-1. – С. 160–164.
19. Чукуева, З.Н. Современная методология анализа роли и функций факта/документа в событийно-хроникальной прозе XX – XXI веков / З.Н. Чукуева, Т.Б. Джамбекова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2020. – Вып. 1 (252). – С. 148–153.
20. Чукуева, З.Н. Синтез художественных и публицистических методов и приемов в северокавказской событийно-хроникальной прозе XX века / З.Н. Чукуева, У.М. Панеш // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2020. – Вып. 4 (267). – С. 175–180.
21. Чукуева, З.Н. Эволюция крупных эпических жанровых форм: синтез документа и художественного вымысла / З.Н. Чукуева // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение». – Майкоп, 2020. – Вып. 4 (267). – С. 168–174.

III. Статьи, опубликованные в других научных журналах и сборниках

22. Чукуева, З.Н. Особенности документализма в чеченской литературе XIX–XX веков / З.Н. Чукуева // Известия Чеченского государственного педагогического института. – Грозный, 2015. – № 3 (11). – С. 24–27.
23. Чукуева, З.Н. Художественное насыщение документализмом отечественной литературы рубежа прошлого и нынешнего веков / З.Н. Чукуева // Межвузовский

- сборник научных и научно-методических работ. – Грозный, 2012. – № 3. – С. 125–134.
24. Чукуева, З.Н. Художественное проникновение документализма в произведения малого и среднего жанров в чеченской литературе / З.Н. Чукуева // Известия Чеченского государственного педагогического института. – Грозный, 2012. – № 1 (6). – С. 228–233.
25. Чукуева, З.Н. Этнокультурное образование в национальной школе Чеченской Республики / З.Н. Чукуева // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – Грозный, 2017. – № 3 (19). – С. 253–256.
26. Чукуева, З.Н. Проблема синтеза художественного и документального нарратива в отечественной литературе XX века / З.Н. Чукуева // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. статей XXXIV Междунар. науч.-практ. конф., г. Пенза, 15 мая 2020 г. – Пенза: Наука и Просвещение, 2020. – С. 149–151.
27. Чукуева, З. Н. Жанровые и видовые трансформации событийно-хроникальной прозы в отечественной литературе XX века / З.Н. Чукуева // Наука и современное общество: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. статей IV Междунар. науч.-практ. конф., г. Пенза, 30 июля 2020 г. – Пенза: Наука и Просвещение, 2020. – С. 118–120.
28. Чукуева, З.Н. Документализм и эпическая событийность в постсоветской отечественной и северокавказской прозе / З.Н. Чукуева // Современная наука: диалог естественнонаучной и социально-гуманитарной субкультур: сб. научных трудов по материалам Междунар. науч.-практ. конф., г. Белгород, 12 октября 2020 г. – С. 42–45.
29. Чукуева, З.Н. Основные тенденции эволюции постреволюционной событийно-хроникальной прозы в северокавказской литературе / З.Н. Чукуева // Инновационная траектория развития современной науки: становление, развитие, прогнозы: сб. статей IV Междунар. науч.-практ. конф., г. Петрозаводск, 3 сентября 2020 г. – Петрозаводск: Новая наука, 2020. – С. 30-36
30. Чукуева, З.Н. Жанровые трансформации малой эпической формы в чеченской литературе первой половины XX века / З.Н. Чукуева // Живое слово Казбека Шаззо и актуальные вопросы развития отечественной литературы XX века: материалы регион. науч. конф., г. Майкоп, 25 апреля 2019 г. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2020. – С. 175–182.
31. Чукуева, З.Н. Развитие событийно-хроникальной литературы в чеченской прозе (на примере творчества Х. Ошаева) / З.Н. Чукуева // Живое слово Казбека Шаззо и актуальные вопросы развития отечественной литературы XX века: материалы регион. науч. конф., г. Майкоп, 25 апреля 2019 г. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2020. – С. 182–187.

32. Чукуева, З.Н. Структурно-семантические особенности отечественной очерковой прозы в контексте развития событийно-хроникальной литературы / З.Н. Чукуева // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – Грозный, 2020. – № 3 (31). – С. 24–32.
33. Чукуева, З.Н. Типологические характеристики жанра мемуарной литературы в контексте развития современной литературы non-fiction / З.Н. Чукуева // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – Грозный, 2020. – № 2 (30). – С. 43–49.